

Кому *проспати* *заутрѣня* и *ловити* *рыба*?

Именительный падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания*

Abstract

This paper addresses the East Slavic/Old Russian construction with nominative case-marking on the infinitival object, cf. *zemlja paxati, ryba loviti*, which has been a matter of long debate in Slavic Studies. I discuss the probability and verifiability of diverse hypotheses on the origin, evolution and distributive features of this construction in the history of Russian. I argue that the nominative case-marking on infinitival non-subject arguments instantiates the mechanism of differential object marking, since the speakers were able to use both the accusative and the nominative objects in the same syntactic position: the choice of the nominative vs accusative case was triggered by such pragmatic factors as communicative status and referentiality. The data provided by the historical text corpora testify that the modal semantics of the *zemlja paxati* construction did not favor its use in most types of embedded clauses, especially in infinitival complements of causative and volitive predicates. In these syntactic contexts, the accusative remained the strongly preferred option. With impersonal modal verbs and predicatives, the nominative and the accusative have comparable frequency figures.

1. Конструкция им.п. + инфинитив и ее расширения

Восточнославянская конструкция с оформлением прямого дополнения инфинитива именительным падежом вместо винительного, ср. др.рус (1230 г.) **А мнѣ, рече, данъ богъ [InFP исправити [DP правда новгородская]^{NOM}], тоже отъ васъ пяти сына своего¹ (НПЛ, л. 109 об., под 1230 г.), **Обѣщася богу на 3 лѣта, како****

* Статья написана при поддержке проекта РФФИ 18-012-00307 «Историческая грамматика русского языка: энциклопедический словарь». Я благодарю В.Б. Крысько и А.А. Пичхадзе за консультацию и обсуждение фрагментов данного исследования. Ответственность за все недочеты несет автор.

¹ Здесь и ниже квадратные скобки в тексте самих примерах указывают на границы синтаксических составляющих. Группа инфинитива обозначается сокращением [InFP ...], финитная глагольная клауза – сокращением [TR...], отрицательная клауза – сокращением [NegP ..], глагольная группа – сокращениями [VP...] и [vP...], именная группа неполной структуры – сокращением [NP...], именная группа полной структуры – [DP...], группа количественного слова – [QP...], сочиненная группа – [CoP...]. Различение в нотации именных групп полной (DP) и неполной (NP) структуры продиктовано соображениями синтаксической теории (ср. Лютикова, Перельцайтг 2015), но непосредственно для анализа конструкции им.п. + инфинитив в большинстве примеров не нужно, так как в текстах древне- и среднерусского периодов в позиции

[_{InfP} **приятн** [_{DP} **риза своя**]^{NOM}] (ibid, л. 141 об., под 1265 г.) обсуждается в славистике со времен Ф. Миклошича и А.А. Потебни (Miklosich 1883; Попов 1881, 46–49; Потебня 1958; Истрина 1923; Шахматов 1941, 133–141) вплоть до наших дней (ср. Ронько 2017). Здесь и далее термин ‘конструкция’ используется вне связи с постулатами т.н. грамматики конструкций (Goldberg 2016) и употребляется в традиционном значении ‘характерная семантика, устойчиво воспроизводимая в связи с некоторой синтаксической схемой’, ср. обоснование такого употребления в (Циммерлинг 2018, 10). В ряде предшествующих работ конструкция им.п. + инфинитив называется ‘конструкцией *вода пити*’ по одному из ранних древнерусских примеров (Попова 2017) или ‘оборотом *земля пахати*’ – по коллокации, устойчиво воспроизводимой в памятниках среднерусского периода (ср. Котков 1959; Станишева 1966; Степанов 1984). В (Маркова 1989) в той роли использовано сочетание ‘*косить трава*’, а в (Ронько 2017) – сочетание ‘*корова доить*’. В качестве расширения конструкции им.п. + инфинитив часто рассматриваются случаи употребления им.п. в позиции дополнения деепричастия и финитного глагола, ср. *отпахавши пашня, черпают вода, косили трава*, в книжных памятниках – также причастия, ср. *дающих милостыня* (1603 г.). Если такие употребления представлены при тех же переходных глаголах, которые допускали оформление своего дополнения им.п. в той же группе, их естественно объяснять грамматической аналогией, т.е. распространением механизма приписывания им.п. дополнению переходного глагола за пределы того типа клауз, где он в истории восточнославянских языков появился изначально. Доказать гипотезу о грамматической аналогии возможно либо применительно к группе памятников конкретного диалекта, если на ее основе удастся доказать историческую первичность употреблений им.п. + инфинитив по сравнению с предполагаемыми расширениями конструкции, ср. данные о соотношении оборотов *косить трава* и *косили трава* в онежских говорах XV–XX вв., приводимые Марковой (1989, 43–50), либо на основе репрезентативной статистики в историческом корпусе текстов. Так, в Старорусском корпусе НКРЯ (ок. 1300–1730 г., 4779 документов, 339 204 предложения, 7 051 048 слов), при 110 существительных/именных группах (далее – ИГ) в ж.р. ед.ч. мы насчитали 1054 примера им. + инфинитив. При тех же ИГ встретилось 25 примера расширений конструкции, при формах деепричастий, императива, личных видо-временных форм и причастий (2,37%)² тех же глаголов, которые дают употребления им.п. + инфинитив в корпусе.

дополнения инфинитива регулярно выступали как развернутые именные группы ранга DP (ср. *та моя земля, правда новгородская*), так и именные группы ранга NP, используемые в составе устойчивых коллокаций типа *оучинити исправа, вода пити* и т.п.).

² К моменту написания статьи Старорусский корпус НКРЯ не имеет опции для поиска лексико-грамматических форм, все выгрузки по поисковым запросам обрабатывались и очищались от нерелевантных примеров вручную. Все примеры в статье

	Дополнение инфинитива	Расширения конструкции им.п.			
110 ИГ в ж.р. ед.ч.	$V_{inf} + N_{Nom}$	$V_{ger} + N_{Nom}$	$V_{imp} + N_{Nom}$	$V_{fin} + N_{Nom}$	$V_{part} + N_{Nom}$
	1054	11	2	10	2
		25			

Таб. 1. Конструкция им.п. + инфинитив и ее расширения в Старорусском корпусе НКРЯ.

Исторические корпуса дают суммарные данные по употреблению разных носителей языка, живших в разные эпохи. Старорусский корпус не позволяет установить происхождение конструкции им.п. + инфинитив и ее расширений, связанных с деепричастиями и императивами, поскольку первые употребления всех этих структурных схем относятся к более раннему времени. Тем не менее, таб. 1 показывает, как эти схемы соотносились между собой, если считать, что они порождаются одной и той же грамматикой, где есть параметр, разрешающий маркировать дополнение формой им.п.³

2. Синтаксические и морфологические факторы приписывания им.п.

Приписывание им.п. дополнению инфинитива в исследованном материале объясняется синтаксически (условиями реализации категории падежа в структуре предложения), а не морфологически (совпадением падежных показателей или их синкретизмом). Падеж – признак, приписываемый всей ИГ, а не только ее вершине (Arkadiev 2016). В конструкции им.п. + инфинитив любая именная вершина в позиции дополнения инфинитива – ср. *грамота в дати [грамота]^{NOM} на Тюмень* (1628 г.) – могла быть развернута в ИГ уровня полной (DP) или неполной (NP) структуры, ср. *дати [DP та своя царьская новая грамота]^{NOM} какова была жаловалная грамота у Офанасья митрополита всеа Руси* (15.09.1605 г.).

По морфологическим причинам данная конструкция диагностируется для существительных, имеющих неомонимичные формы им. и вин.п., а также для ИГ, где им.п. проверяется по форме детерминатива, прилагательного

цитируются в орфографии соответствующих изданий. Примеры из НКРЯ, включая тексты берестяных грамот, цитируются с сохранением шрифтов, используемых в НКРЯ.

³ Такой подход к интерпретации данных исторических корпусов имеет альтернативы. Можно вслед за Крысько (1994, 192–197) допустить, что закрепление конструкции им.п. + инфинитив в истории русского языка связано с эволюцией грамматических категорий, например, категории одушевленности, которая к началу периода, покрываемого Старорусским корпусом НКРЯ (ок. 1300 г.) реализовалась иначе, чем к концу этого периода (ок. 1700–1730 гг.). Временной разброс в выборке корпусных данных с им.п. дополнения при деепричастии/финитном глаголе/причастии меньше (1472–1699), при этом 19 из 25 встретившихся примеров относятся к отрезку 1500–1649 гг. – от условной нижней датировки создания *Домостроя* до текста *Соборного уложения* 1649 г.

или притяжательного местоимения, ср. др.рус. новг. тѣбѣ [ДР **ръже** (= рожь) **свѣа**]^{НОМ} **снати а мнѣ наклады твоѣ дати** [Бер. гр. 142, 1300–1320], а *учинится у них в том селе какова гибель, ино ему* [ДР **та гибель**]^{НОМ} *платити без суда и без исправы* (Жалованная грамота в. кн. Василия Васильевича на свободу от постоев и подвод для митрополичьего села Бисерова, Коломенского у[езда] (1425–1462)). В подавляющем большинстве случаев представлены ИГ с существительными ж.р. склонения на -а. Имеется один бесспорный пример употребления существительного м.р. в древненовгородском диалекте, где в тематических основах сохранялось различие им.п. (-е) vs вин.п. (∅): *А хто изымаетъ* [НР **осетръ**]^{ACC}, *ино судиямъ половина. А* [ИнФР [НР **осетре**]^{НОМ} *имъ имати по старинь*] (ГВНП 1949, № 93, список с грамоты 1460 г.; см. Зализняк 2004, 156).

Для сочиненных групп (CoP), а также для ИГ с морфологически омонимичными формами им.-вин. падежа, ср. **наклады твоѣ** в цитированном выше примере (Бер. гр. 142), в позиции однородных членов теоретически нейтральное описание дать нельзя⁴, поскольку а priori неизвестно, выделялись ли в языке памятника сочиненные группы и приписывался ли в подобных случаях один и тот же падеж всем конъюнктам. В конструкции с т.н. им.п. присоединения, ср. др.рус. новг. **Онгане послале Евдокиму два клеца да щука** 'Антон послал Евдокиму двух лещей, да щуку' (Бер. гр. 169, XIV/XV в.), где после союза *да* могла стоять морфологически однозначная форма им.п. (Зализняк 2004, 157), им.п. или вин.п. количественной группы [QR **два клеца**]^{НОМ/ACC} проверить нельзя, так как мы заранее не знаем, выделялась ли сочиненная группа в идиолекте автора или нет. Соответственно, у историка языка нет средств установить, приписывается им.п. слову *щука* глаголом *послале*, или же союзом *да*.⁵ Без дополнительных допущений также нельзя решить, являются ли предположительно стоящие в позиции дополнения инфинитива выражения типа *скотъ*^{НОМ/ACC} или *птица*^{НОМ} в (1a) или *лень*^{НОМ/ACC} и *пенька*^{НОМ} в (1b), где первая ИГ морфологически неоднозначна, случаем реализации конструкции им.п. + инфинитив или нет. Примеры (1a) и (1b)

⁴ В концепции В.Б. Крысько морфологические амбивалентные древнерусские формы м.р. типа *тивунь*, *осетръникъ слати* в позиции дополнения инфинитива трактуются как им.п., если в тех же памятниках есть конструкция им.п. + инфинитив при именах ж.р. (Крысько 1994, 194). В таком случае, варьирование типа *слати осетръникъ* (ГВНП 1949, № 2, (1266)) vs *слати осетръник-а* (ГВНП 1949, № 6 (1304–06)) может быть понято не только как колебания в выборе старой и новой (одушевленной) форме вин.п., но и как конкуренция им.п. с вин.п. Такое описание вполне возможно, но оно строится на допущении о том, что в переходных инфинитивных клаузах древнерусского языка падежное оформление дополнения им.п. было генерализовано.

⁵ Свойственное младограмматикам представление, что т.н. форма им.п. в подобных контекстах типа *да щука* вообще не является управляемой, в данном случае эквивалентно гипотезе о том, что им.п. приписывается слову *щука* союзом *да*.

разделяет более 500 лет, но трудность с их описанием общая: неизвестно, образуют ли две ИГ сочиненную группу и приписывается ли им.п. второму конъюнкту инфинитивом или же союзами *или/и*.

- (1) а. др.рус. **достонть ли рѣзати въ недѣлю скотъ^{NOM/ACC}, оже ся пригодить, или птица^{NOM}?** (*Вопрошание Кириково*, К.11, ок. 1132–1156)
 б. ст.рус. Потому что хлѣбъ и харчъ у насъ тамошняго гораздо дешевле, а лень^{NOM/ACC} и пенька^{NOM} гораздо ниже половины тамошней ихъ цѣны купить мочно (И.Т. Посошков, *Книга о скудости и богатстве*, 1724)

Контаминация форм им.п. на *-а/-та* и род.п. на *-ѣ/-ѣ* в словах *опитѣмьѣ*, *милостыня* при пересчете с церковнославянского на русский не является статистически значимым фактором выбора формы дополнения инфинитива, так как в подавляющем большинстве случаев такое дополнение имеет роль пациенса, которая не выражалась род.п. в неотрицательных предложениях. Там, где это условие выполнено, примеры типа ср.рус. *Речено бысть: «Лучше не грабити, неже [NP милостыня]^{NOM} даяти»* (*Домострой* (1500–1560)), где падеж может приписываться только инфинитивом переходного глагола *даяти*, синтаксически однозначны. Спорадически встречающиеся сочетания формы на *-та* с количественным словом могут быть неоднозначны, ср. др.рус. *Ибо множество милостыня^{GEN/NOM} сътворивши* (из *Жития Василия Нового. Хожделение Феодоры по воздушным мытарства* (1300–1400)). Если *множество* и *милостыня* образуют группу количественного слова, то *милостыня* стоит в род.п., а вся группа – в вин.п., который приписывается ей дееспричастием переходного глагола *сътворити*, см. запись (2а). Если же группы количественного слова нет, и слово *милостыня* непосредственно зависит от *сътворивши*, оно стоит в им.п., ср. альтернативный анализ (2б):

- (2) др.рус. а. [QP **множество** [NP **милостыня**]^{GEN}]^{ACC} сътворивши.
 б. множество [NP **милостыня**]^{NOM} сътворивше.

В клише типа *суд и исправа давати* (5 вхождений в Старорусском корпусе, 1430–1442 гг.) интерпретация второго конъюнкта как дополнения инфинитива зависит от конвенций анализа. Такие клише по своим свойствам ближе к стандартным ИГ типа *исправа*, чем к свободным сочетаниям типа *скотъ и птица*. Однако доказать это методами корпусной лингвистики не всегда возможно.

Таким образом, в маргинальных случаях диагностика конструкции им.п. + инфинитив связана с конвенциями синтаксического анализа. Но эти случаи не являются статистически значимыми. В преобладающем числе примеров с неомонимичными формами им.п. и вин.п. диагностика конструкции не проблематична в силу ролевой прозрачности дополнения инфинитива, име-

ющего роль пациенса. Стандартным выражением этой роли в финитных клаузах древних славянских языков был вин.п., поэтому им.п. следует признать контекстным эквивалентом вин.п. прямого дополнения в инфинитивных клаузах. Во избежание терминологической путаницы мы везде далее называем это падежное употребление 'им.п.' и не делаем допущений о том, что форма на *-а* в оборотах типа *земля пахати* была переосмыслена как вариант вин.п.

Сами инфинитивные клаузы с им.п. дополнения, безусловно, относятся к действительному залогу (Попов 1881), но вводящий их каузативный предикат типа *вельти, приказати* в текстах XVI–XVII в. мог стоять и в страдательном: Старорусский корпус НКРЯ дает 29 примеров типа *вельно пахати земля* с 1564 по 1698 гг. Впрочем, комбинация инфинитивной клаузы с им.п. дополнения и каузативного предиката для русского языка нетипична, что обсуждается ниже в разделе 7. В домонгольский период таких предложений нет вообще, а упомянутые 29 старорусских примеров со страдательным причастием каузативного глагола составляют всего 2,8% от общей выборки конструкции им.п. + инфинитив в корпусе.

3. Семантика конструкции им.п. + инфинитив и ее расширения

Почти все формальные параметры обсуждаемой конструкции (интерпретация ИГ в им.п. как подлежащего или дополнения, порядок слов, состав компонентов и т.п.), а также условия ее возникновения, географического распространения и эволюции были предметом спора (ср. Попов 1881, 46–49; Потебня 1958; Шахматов 1941; Ларин 1969; Timberlake 1974; Dunn 1982). Вместе с тем, ее семантика определялась относительно единодушно – это модальная конструкция со значением необходимости или возможности (Станишева 1966, 226; Филин 1969: 71; Степанов 1984; Крысько 1994, 195). Дополнение инфинитива может быть охарактеризовано как объект потенциального действия. Модальное значение конструкции обычно связывают с историческими особенностями и.е. инфинитивных предложений, в том числе, с отсутствием в них материально выраженной связки (Попов 1881, 47–48; Крысько 1994, 192), высказывалось также мнение, что им.п. в данной конструкции имеет семантику праиндоевропейской неопределенной падежной формы (Степанов 1989, 58–59). В диахроническом плане первое утверждение более доказуемо, чем второе, но для полноценной проверки обоих тезисов необходимо на основе синхронного анализа древнерусских и старорусских текстов выяснить, не является ли модальное значение конструкции им.п. + инфинитив следствием распределения сфер употребления с параллельно используемой конструкцией вин.п. + инфинитив. Эта задача решается ниже в разделе 7.

Модальный субъект может быть генерическим и не выражаться в схеме предложения вообще, ср. пример (3), где утверждается, что в месте проживания адресата грамоты только и можно, что *пить воду* (и это – доля лю-

бого человека, который там окажется), либо выражаться дат.п., как в примере (4), где утверждается, что незавидная, по мнению говорящего, участь *проспать заутреню* выпадает *пьянчиву человеку*, т.е. пьяницам. В ряде примеров аргумент в дат.п. указывает на конкретное лицо (говорящего, адресата и т.п.), которое должен или может осуществить действие, называемое инфинитивом, см. *йсправа чинити* ‘способствовать кому-л.’ в (5), *Орда знати* ‘иметь сношения с Ордой’ в (6), *отвести та земля и отводная грамота дати* в (7).

- (3) др.рус. [InfP *въ волости твоє:и толико* [NP *вода*]^{NOM} *пити* в *городичаньх*] *а рушань скорбѣ про городичанѣ* (Берестяная грамота Ст. Р. 10 (1160–1180))
- (4) др.рус.⁶ *Кому*^{DAT} [InfP *проспати* [DP *заутреня*]^{NOM}] *Пьянчиву челоуѣ-ку*^{DAT}. (*Слово о Хмеле* (1400–1500))
- (5) ст.укр. а *всакому ми*^{DAT} делу [InfP [NP *йсправа*]^{NOM} ему *чинити* и его лю(д)мъ] (Пещак 1974; № 40 (1387)).
- (6) др.рус. А [InfP *знати* [NP *Орда*]^{NOM}] *тобѣ*^{DAT}, *великому кн[а]зю*^{DAT}, а *мнѣ Орды* не знати *никоторыми дѣлы*. (Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Юрием Дмитриевичем. Грамота кн. Юрия Дмитриевича в. кн. Василию Васильевичу (1433))
- (7) ср.рус. А [InfP *отвести* [DP *та земля*]^{NOM}] по тем межам *Борису*^{DAT} на весне да и [InfP [DP *отводнаа грамота*]^{NOM} *дати*]. (Купчая грамота митрополичьего дворецкого Ф.Ф. Сурмина на сельцо Леоново, селища Елизаровское и Высокое, проданные митрополиту Варлааму Б.М. Чертовым (1512–1513))

В тех же группах памятников, где засвидетельствована конструкция с им.п. дополнения инфинитива, спорадически обнаруживаются примеры оформления им.п. при деепричастии и форме императива. Так, в *Псковской судной грамоте* (1397–1467), где сочетание *правда дати/дать* повторяется 8 раз, и есть еще два примера употребления существительного *правда* в им.п. в позиции дополнения инфинитива в сочетаниях с другими глаголами – *обыскасть правда* (ПСГ, ст. 19) ‘провести расследование’ и *правда судомъ посудити* (ПСГ, ст. 62) ‘пересмотреть сомнительные дела в судебном порядке’, есть два примера постановки слова *правда* в им.п. при деепричастии *давши*, ср. (8). В тексте *Домостроя* наряду с инфинитивной конструкцией *рубашка делати* есть и оборот с им.п. при деепричастии, ср. *соимя рубашка* в (9).

- (8) др.рус. пск. <А коли изорникъ имѣтъ заператься у государя покруты> Ино государю^{DAT} [DP *правда*]^{NOM} *давши*, *взять свое или изорнику вѣрить* (ПСГ, ст. 52)

⁶ В отличие от составителей Исторического корпуса НКРЯ, русские тексты XIV–XV вв. мы относим к позднерусскому, а не старорусскому периоду. Данное решение носит технический характер и не влияет на методику анализа.

- ‘<А если напащик примется отрицать, что должен хозяину проценты>, тогда хозяин может принести присягу и взять ему принадлежащее или предоставить присягу напащику.’
- (9) ст.рус. ино соимя [ДР рубашка]^{NOM} плеткою вежливенко побить за руки держа по вине (Домострой, 1500–1560)

В корпусе берестяных грамот на 5 случаев оформления дополнения инфинитива им.п. приходится один пример им.п. дополнения императива – *даи прилбица* (им.п.) ‘дай шлем’ в (10), при том что для языка берестяных грамот нормой в этом случае было употребление вин.п. (Зализняк 2004, 156).

- (10) др.рус. новг. приказъ ѿ романа к патеі:лѣю цо прилбица · 8 тебе ѿ:ндръкѣ ·
[ДР прилбица]^{NOM} · даі ѿндръю · (Берестяная грамота 383 (1380–1400))

Употребление им.п. дополнения в контексте императива в (10) с оговорками можно подвести под семантику долженствования, в то время как выбор им.п. при оформлении дополнения деепричастия в (8)–(9) лишен ясной семантической мотивации. То же относится к примерам постановки дополнения в им.п. в повествовательных предложениях со спрягаемой формой глагола. В украинских грамотах такие примеры известны с конца XIV в. (Dunn 1982, 517; Даниленко 2003, 245), ср. (11), в русских памятниках – с более позднего времени, ср. (12).

- (11) ст. укр. а на того крѣпость. к тому листу. [ТР [ДР наша печать]^{NOM} завѣ-
сили єсмо] (Пещак 1974, № 44 (1388))
- (12) ст.рус. а [ТР [ДР та земля]^{NOM} чистил Иван Брылкин], а та земля в од-
ном поле. (И. Перфильев. Челобитные крестьян с. Городня (Твер. у.) И. Перфильева с тов. о даче им на оброк 8 дес. земли, расчищенной И. Брылкиным, и о разрешении им расчистить лес отдельно от мира (1652))

Дистрибуция оборотов с им.п. дополнения при формах деепричастия, ср. выше примеры (8)–(9), и спрягаемого личного глагола, ср. выше примеры (11)–(12), позволяет предполагать, что они, а также, возможно, обороты с им.п. дополнения при форме императива примера (10), являются асемантическим расширением модальной конструкции им.п. + инфинитив, которая успела получить широкое распространение. Соответствующее предположение уже неоднократно озвучивалось (ср. Котков 1959, 49; Кузьмина, Немченко 1964; 1971, 45; Маркова 1989, 50; Крысько 1994, 192).

4. Конструкция им.п. + инфинитив в древнерусский период

Главным источником сведений о конструкции им.п. + инфинитив в древнерусский период служат берестяные грамоты Ст. Р. 10, 155, 142, 578, 19, особенно – две первые, датируемые концом XII в., а также текст *Вопрошания Кирикова* (ок. 1132–1156 гг.) по Новгородской кормчей 1282 г., где имеется

не менее 12 бесспорных примеров оформления дополнения инфинитива им.п.,⁷ и 2 примера оформления им.п. при деепричастии. В примере с деепричастием Кирик использует тот же глагол *испроскурмисати*, который используется в его тексте в конструкции им.п. + инфинитив, ср. также сочетание *молитва вземши чистая* и близкую коллокацию со значением ‘помолиться’ при глаголе *творити*: *молитва творити всакаа*.

Глагол	V _{Ger} - Nom	V _{Inf} - Nom
(ис)проскоурмисати	проскура во испроскоурмисавше во олтари (Вопр. Кир. 38)	неосвященная просфоура ... проскоурмисати за двѣ недѣ- ли (Вопр. Кир. 100)
взати/творити	Оли молитва вземши чистая, тоже влазити (Вопр. Кир. 63)	Достонть ли попоу свои женѣ молитва творити всакаа? (Вопр. Кир. 19), ср. рѣшити и, рече, и молитва раздрѣшь- ная дати емоу (Вопр. Кир. И. 11)

Таб. 2. Конструкции с им.п. дополнения при деепричастии и инфинитиве в «Вопрошании Кирикова».

Всего в конструкции им.п. + инфинитив Кирик использует глаголы *исти* (5), *дати* (2), *дѣржати*, *проскоурмисати*, *слати*, *творити*, *примати* и такие существительные разной семантики, как *давленина*, *опитемна* (3), *дора* (3), *проскоура/просфоура* (2), *коутья*, *молитва* (2). В свете позднейшей статистики конструкции примечательно то, что Кирик в первой половине XII в. в равной пропорции (по 6 примеров) использовал оба ее основных варианта – с нулевым модальным оператором (т.е. без модального слова, вводящего инфинитив) и с модальным глаголом/предикативом. В (13а) *дора исти* ‘вкусать святые дары’ выступает в роли независимого инфинитивного предложения, в то время как в (13b) то же сочетание выступает в роли зависимой клаузы при модальном предикативе *лзь* ‘можно’. В обоих случаях им.п. слову *дора*⁸ приписывается инфинитивом *исти*.

⁷ Как указано выше в разделе 2, им.п. на существительном *птица* в предложении *достонть ли рѣзати въ недѣлю скотъ, оже ся пригодитъ, или птица?* (К. 11) может трактоваться как им.п. присоединения. Еще в одном контексте им.п. дополнения засвидетельствован в параллельной редакции *Вопрошания Кирикова* (ГИМ Увар. 791, XV в.): *аще то створитъ преже дати опитемна и потом поставитъся* 78 (Мильков, Симонов 2011, 388). Текст *Вопрошания Кирикова* по Новгородской Кормчей в данном месте дает вин.п.: *дати опитемью*. В (Ронько 2016) приводятся соображения в пользу принятия чтения с им.п. *дати опитемна* за основу. О соотношении редакций *Вопрошания Кирикова* см. Гиппиус (1996).

⁸ В древнерусском языке данное слово, как известно, оформляется уже как существительное ж.р. ед.ч., ср. у Кирика при форме финитного глагола в 3 л. ед.ч. : *чтетъ куаульк и доруу исть*.

- (13) др.рус. а. њеуангелъѣ цѣловати, [_{InfP} [_{NP} дора]^{NOM} цѣсти] (К. 45)
 б. [TR лзѣ^{PRED} ли имѣ^{DAT} въ божници быти и њеуангелъѣ
 цѣловати, и [_{InfP} [_{NP} дора]^{NOM} цѣсти] (К. 67)

Оснований для альтернативного анализа, например, для объяснения ИГ дора в (13а–б) как подлежащего предложения с обстоятельственным инфинитивом – ‘²²святые дары предназначены для того, чтобы их вкушать’, текст Кирика не дает. Как при именах, обозначающих церковные реалии (дора, молитва, просфорура, опитемина), так и при именах, обозначающих реалии мирской жизни (коутыа, давленина) ИГ в им.п. стоит в позиции дополнения инфинитива переходных глаголов и выражает семантическую роль непосредственного объекта действия (пациенса). Др.рус. **въ злѣ цѣсти давленина** (К.89) в тексте *Вопрошания Кирикова* выражает значение ‘есть мясо удушенных животных плохо’, интерпретация *‘мясо удушенных животных существует для того, чтобы его (не) есть’ контекстом исключена. Тот же вывод следует из анализа берестяных грамот XII в.: а **болши ти протера гошити** (Бер. гр. 155, к. XII в.) может значить лишь ‘в таком случае приготовься к еще большим судебным издержкам’ (Зализняк 2004, 382), но никак не *‘большие судебные издержки существуют для того, чтобы их понести’. Равным образом, контекст грамоты Ст. Р. 10, см. выше пример (3), исключает прочтение предложения **въ волости твоѣ:и толико вода пити в городицанѣх** в зн. *‘вода в Городище существует для того, чтобы ее пить’, оно может значить лишь ‘в Городище только и можно, что пить воду’.

В языке *Смоленской грамоты* 1229 г., употребления конструкции им.п. + инфинитив столь же регулярны (10 вхождений⁹), но более стереотипны. Представлены инфинитивы *оузати/взати* (7) *заплатити*, *дати* (2), а также существительное *правда* (6), *гривна* (3), *ногата*. 6 раз встречается формула *Тая/такова правда узати*, ср. *Такова правда узати роусиноу оу ризѣ · и на гочкомь березѣ* ∴ (Смол. А. 30–31). Также: ∴ *а гривна сѣрѣбра заплатити* (ibid. 14–15); *взати љи гривна сѣрѣбра за насилие* (ibid. 42–43); *дати љемоу гривна сѣрѣбра* ∴ 43–44 (ibid. 42–43); *дати љемоу · вѣсцѣ · ногата смольнская* ∴ (ibid., 75–76). В *Смоленской грамоте* и берестяных грамотах XII в., в отличие от *Вопрошания Кирикова*, нет примеров употребления им.п. дополнения при деепричастии и нет предложений, где инфинитив, управляющий им.п., вводится модальным глаголом или предикативом, ср. (13b) выше. Но в этих памятниках нет и такого разнообразия контекстов.

Наиболее ранний пример с оформлением пациентного дополнения инфинитива им.п. на территории восточнославянских диалектов был обнаружен в русском списке Студийского устава, датируемом к. XI – н. XII вв.: *Аще*

⁹ Согласно Дж. Данну (Dunn 1982), по всем спискам *Смоленской грамоты* на 65 примеров конструкции им.п. + инфинитив приходится 1 пример вин.п. + инфинитив.

настанѣ днѣ нарочита ст҃го. иде̑ рѣть прѣ. тѣгда павѣрница пѣти. 21.15–16 (Успенский 2006, 67). Диалектная характеристика списка неясна, но оборот им.п. + инфинитив логично считать чертой языка переписчика. В языке Кирика, берестяных грамот XII–XIV вв. и текстах старорусского периода ИГ *павечерница* в данном сочетании была бы однозначно интерпретирована как дополнение инфинитива, в зн. ‘следует петь павечерницу’,¹⁰ но для языка Студийского устава ее можно трактовать и как подлежащее обстоятельственного инфинитива в зн. ‘павечерница предназначена для того, чтобы ее петь’. Соответствующая конструкция была свойственна древним славянским языкам при ограниченном круге глаголов, включая глаголы восприятия (Потебня 1968, 365–368; Pořák 1967). Ее продолжением могут быть обороты типа *писня чути*, *рука знати*, по Даниленко (2003, 245), засвидетельствованные в говорах Киева, в Полесье, в отдельных местах Днепропетровщины, Харьковщины, Сумщины, Кировоградщины, Нижинщины. Однако доказать валидность такого прочтения др.рус. павѣрница пѣти в неизвестном нам диалекте переписчика Студийского устава трудно, к тому же пѣти не является глаголом восприятия или знания – это обычный переходный глагол действия, а не глагол ментальной сферы. Если исходить из того, что язык «Вопрошания Кирикова», а также берестяных грамот XII в. и *Смоленской грамоты* 1229 г., репрезентативно представляет узус домонгольского периода, следует признать, что в данный период ограничения на семантику инфинитивов, приписывающих своему дополнению им.п., не было – по крайней мере, в той группе русских диалектов, которую представляют эти памятники. Почти все раннедревнерусские примеры конструкции им.п. + инфинитив связаны с неодушевленными существительными, но в *Милятином евангелии* 1215 г. зафиксирован один пример с одушевленным существительным: *достойтъ ли мужу жена^{НОМ} пустити* (Соболевский 1907, 195).

5. Диалектная характеристика памятников с конструкцией им.п. + инфинитив

Из всех древнерусских летописей конструкция им.п. + инфинитив представлена только в *Первой новгородской летописи*, ср. открывающие данную статью примеры из 1НПЛ под 1230 и 1265 гг., с ИГ в им.п. дополнений [нр *правда новгородская*] и [нр *риза своя*], зависящие, соответственно, от инфинитивов *исправити* и *прияти* (Истрина 1923, 158). Этот факт, наряду с данными *Вопрошания Кирикова*, основная редакция которого сохранилась в составе *Новгородской Кормчей* 1282 г., еще до открытия берестяных грамот трактовался как

¹⁰ Два примера – *отпѣти вечерня*, *павечерница*, *полунощница* и *А дома всегда павечерница и полунощница*, и *часы пѣти* засвидетельствованы в тексте *Домостроя*. Всего Старорусский корпус НКРЯ фиксирует 97 примеров конструкции им.п. + инфинитив в контексте ‘<X = название церковной службы> пѣти’ при существительных ж.р. *павечерница*, *полунощница*, *обедня*, *заутреня*, *вечерня*, *понахида/панахида*.

свидетельство того, что данная конструкция первоначально распространилась в северо-западном, т.е. новгородском диалекте (Борковский 1949; ср. Борковский, Кузнецов 1963, 421). Наличие обсуждаемой конструкции в позднейших пергаменных грамот XIII–XV вв., локализованных в псковских и новгородских землях, включая Двину и Обонежье (ГВНП 1949), позволяет рассматривать ее как ареальную черту циркумбалтийских языков (финно-угорских, латышского, литовского), где дополнение в разных типах клауз может маркироваться им.п. (Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001; Seržant 2015). Радикальное решение состоит в том, чтобы признать конструкцию им.п. + инфинитив грамматическим заимствованием, ставшим возможным благодаря наличию финно-угорского или балтийского субстрата на севере или северо-западе древнерусского ареала (Veenker 1967; Ларин 1969; 1975; Timberlake 1974).

Точная локализация группы русских диалектов, где появилась конструкция им.п. + инфинитив, неясна, так как она рано засвидетельствована и в северо-западных, и в западных (полоцких и смоленских) диалектах. Гипотеза о новгородском происхождении объясняет закрепление конструкции в летописях и локальных актах Новгородского государства, а также в договорных грамотах Новгорода с великими князьями, где первый пример датируется 1270 г., см. (14а), и договорных грамотах Новгорода с западом, где первый пример датируется 1323 г., см. (14б).

- (14) др.рус. новг. а. А ту грамоту, княже, отьяль еси, а [InfP [DP **та грамота**]^{NOM}, княже, **дати** ти назадъ] (ГВНП 1949, № 3, *Договорная грамота с вел.кн. Ярославом Ярославичем*, 3-я, 1270).
- б. А что ся учинить въ томъ миру обидное или от васъ или от насъ, миру не порушити, [InfP всему тому [NP **исправа**]^{NOM} **учинити**] (ГВНП 1949, № 38, 12 августа 1323)

Новгородская гипотеза, однако, не объясняет наблюдаемого в XIV–XVI вв. распространения конструкции на территории украинских и великорусских говоров: гипотеза о западной (полоцко-смоленской) локализации первичного ареала конструкции им.п. + инфинитив в данном плане, по крайней мере, столь же вероятна. При обеих гипотезах непонятен механизм распространения конструкции в позднедревнерусский период – устные контакты или экспорт канцелярской традиции/писцов, в чьем идиолекте конструкция им.п. + инфинитив была уже закреплена.

Основным источником сведений о конструкции им.п. + инфинитив в псковском диалекте XIII–XV вв. служит *Псковская судная грамота* (32 примера, по нашим подсчетам). Наиболее ранний доказанный пример связан с грамотой ГВНП № 333, см. ниже (15); более ранняя грамота ГВНП № 331 (к. XIII в.) в настоящее время не причисляется к псковским.¹¹

¹¹ «Рядная грамота Тешаты и Якима конца XIII в. уже ее первым издателем К.Е. Напьерским была с вероятностью отнесена к числу полоцких, см.: Русско-

- (15) др.рус. пск. Се жалуюса [_{InfP} [_{NP} **селитва**]^{NOM} **ставити**]], да [_{InfP} [_{DP} **рыба**]^{NOM} **ловити** неводом да мережи] 160 (ГВНП 1949, № 333 (1308–1312))

Для рассмотренных нами новгородских грамот из собрания ГВНП (1949) нехарактерно использование конструкции им.п. + инфинитив после модального глагола или предикатива – 1 случай, засвидетельствованный в договорной грамоте 1440–1447 гг., см. (16), против 56 примеров независимого инфинитивного предложения. В берестяных грамотах XIII–XV вв. есть 3 примера (Бер. гр. № 142, 578, 19); случаев употребления конструкции им.п. + инфинитив после модального глагола/предикатива нет.

- (16) др.рус. новг. **не надоби** [_{InfP} **брати** [_{NP} **черна куна**]^{NOM}, ни иное ни что ж] (ГВНП 1949; № 70, (1440–1447))

Примечательно, что в той же группе памятников предикативы типа (*не*) *надобь, доброволно, любо* довольно частотны. Однако объединения моделей (DAT) – Inf – NOM (<имъ> *дати грамота, брати куна, ловити рыба* и т.п.) и (DAT) – PRED – NOM (<имъ> *грамота не надобь*), которое отмечено для диалектов русского севера в последующую эпоху (Кузьмина, Немченко 1964, 160–162; Маркова 1989, 49), судя по новгородским памятникам, к XV в. еще не произошло.

Для псковского диалекта картина аналогична. В грамотах из собрания ГВНП (1949) и в «Псковской судной грамоте» на 35 примеров реализации конструкции на базе независимого инфинитивного предложения приходится 1 пример, где инфинитив *выписать*, приписывающий своему дополнению [_{DP} *та строка*] им.п., зависит от предикатива *волно*, см. (17).

- (17) др.рус. пск. А которая строка въ сей грамотѣ не люба будетъ господину Пскову, ино [_{TP} [_{InfP} [_{DP} **та строка**]^{NOM} **волно**^{PRED} **выписать** вонъ изъ грамотѣ]]. (ПСГ, ст. 110, 1397–1467)

- (17) [_{TP} [_{InfP} [_{DP} **та строка**]^{NOM} **волно**^{PRED} **выписать** вонъ изъ грамотѣ]]

В XV–XVII вв. наблюдается количественный скачок в употреблении конструкции им.п. + инфинитив. Ее наличие в позднерусских и старорусских памятниках не обязательно свидетельствует о близости к разговорной речи, поскольку она в этот период представлена в большинстве жанров текста, от заговоров до летописей и даже житийной литературы (ср. Попова 2017 о конструкции *вода пити* в московских памятниках XVI–XVIII вв.). Часть примеров в коллекции Старорусского корпуса НКРЯ – клише делового стиля. Такие клише известны из актов разных регионов, но их наличие в конкретной группе местных актов, например, южнорусских актах, вопреки названию статьи (Котков 1959), само по себе не доказывает широкого

ливонские акты. СПб., 1868, с. 14–15; ср. также Зализняк 1995, с. 12» (Крысько 2004, 143).

распространения конструкции в местном диалекте.¹² По данной причине мы при обсуждении корпусной статистики далее не останавливаемся на географической локализации примеров.

6. Гипотезы о структурных свойствах конструкции им.п. + инфинитив в перспективе исторических корпусов

В данном разделе в перспективе исторических корпусов оценивается доказуемость ряда гипотез о происхождении и структурных свойствах конструкции им.п. + инфинитив.

6.1 Гипотеза А.А. Потебни – А.В. Попова

А.А. Потебня и А.В. Попов в конце XIX в. обосновали гипотезу о том, что древнерусская конструкция с оформлением дополнения инфинитива им.п. возникла в ходе переосмысления исконной подлежащей конструкции с обстоятельственным инфинитивом (Попов 1881, 46; Потебня 1958, 372–375); данная гипотеза принимается в Крысько (1994, 192). Если такой процесс вообще имел место, он должен быть осуществиться в дописьменную эпоху. В русских памятниках домонгольского периода, как показано выше в разделе 4, статус ИГ в им.п. как дополнения инфинитива грамматикализован. В силу ограниченности материала полноценной статистики по этому периоду нет, что частично компенсируют более поздние примеры. В Старорусском корпусе НКРЯ лишь 2 примера из 1054 случаев оформления пациентного аргумента инфинитива переходного глагола соответствуют анализу Потебни-Попова. В этих 2 примерах ИГ в им.п., имеющая роль пациенса

¹² На момент написания настоящей статьи, южнорусские акты, описанные в (Котков 1959), а также грамоты Новгорода, Пскова, Двины и Обонежья из собрания ГВНП (1949) еще не вошли в коллекцию НКРЯ. С.И. Котков в своей работе приводит соображения в пользу того, чтобы признать обороты типа *земля пахать, глина горшечная имат* (Курск, 1642 г.), *племянница своя девка Дарица кормит и поит и замуж ее выдот* (Курск, 1632 г.) и т.п. в исследованных им курских, елецких, белгородских, орловских, новосильских, калужских и прочих южнорусских актах XVII в. чертой живой диалектной речи, но эта точка не была поддержана из-за того, что конструкция им.п. + инфинитив почти не документирована на соответствующей территории в последующую эпоху, что признает сам автор статьи. Главный довод С.И. Коткова – то, что сочетания типа *племянница своя ... кормит[ь] и поит[ь]* не являются 'формулами приказного стиля', может быть оспорен. Тот факт, что данные сочетания не являются формулами приказного стиля, доказывает лишь, что они порождаются по продуктивной синтаксической модели, а не, что они взяты из диалекта. Чтобы примирить свой анализ с диалектологическими данными, С.И. Коткову в конце своей работы приходится допустить, что конструкция им.п. + инфинитив на южнорусской территории в XVII в. якобы уже находилась в состоянии распада. Этот вывод плохо согласуется с приведенными им самим данными.

переходного глагола, одновременно является контролером предикативного атрибута в роде и числе, ср. (18).

- (18) др.рус. и с тѣх мѣсть истѣкають три кладязи прудко велми, и [ДР вода их]^{NOM.SG.F} пѣти сладка^{NOM.SG.F} велми и студена^{NOM.SG.F}. (Заметка о Риме (1438))

Похожий пример обнаруживается в грамоте конца XIII в., возможно, написанной на полоцко-смоленском диалекте, если за записью *свободна* в (19) стоит согласуемое краткое прилагательное ср.р. мн.ч., а не предикатив (= *свободно*).

- (19) др.рус. диал. И на дѣвцѣ Якимъ серебро взять, а [ДР мониста Тѣшати-на]^{NOM.PL.N} у Акымовы жены **свободна**^{NOM.PL.N} Тѣшятѣ^{DAT} взяти, и рошеть учинила промежи себе. (ГВНП 1949, № 331 (1266–1299))
‘Тешата вправо взять свое монисто у жены Акыма.’

Примеры (18) и (19) подтверждают, что ИГ в им.п., являющаяся пациентным аргументом переходного глагола, может попадать в позицию подлежащего как независимого инфинитивного предложения в (18), так и структуры с предикативным прилагательным в (19). Но низкая частота употребления (0,18% выборки по Старорусскому корпусу) говорит о том, что данное явление было маргинальным. Кроме того, нет независимых свидетельств того, что примеры типа (18)–(19) архаичны. Равновероятно, что они отражают вторичные колебания.

Имеется еще один возможный довод в пользу изначальной субъектности ИГ в им.п. в предложениях типа *земля пахать, рыба ловить* – статистическое преобладание препозиции дополнения инфинитиву в текстах. Насколько мы понимаем, в полной мере этот тезис в предшествующей литературе эксплицирован не был, хотя большую частотность примеров типа *рыба ловить* по сравнению с примерами типа *ловить рыба* отмечали разные авторы. Это объяснение ложно, поскольку статистическое преобладание препозиции характерно и для предложений вин.п. + инфинитив. В Старорусском корпусе клаузы им.п. + инфинитив и вин.п. + инфинитив имеют одинаково высокий коэффициент препозиции дополнения – 70,6–70,8%. Статистика приводится ниже в разделе 7.1. Преобладание порядка дополнение – глагол (OV) при формах обеих падежей над порядком глагол – дополнение (VO) в инфинитивных клаузах может объясняться либо тем, что праславянский и древнерусский имели иное направление ветвления глагольной группы по сравнению с современным русским (в таком случае *рыба/рыбу ловити* является базовым порядком), либо тем, что контексты памятников благоприятствуют закреплению инверсии VO ⇒ OV (в таком случае *рыба/рыбу ловити* признается результатом преобразования порядка *ловити рыба/рыбу*). В настоящей статье выбирается второе объяснение, см. ниже раздел 7.4.

6.2 Гипотеза А.А. Шахматова – Ю.С. Степанова

А.А. Шахматов (1941, 141) высказал мнение, что конструкция *земля пахати, брати куна* возникла в результате контаминации оборотов с модальным предикативом типа *надобь земля*^{NOM} и оборотов с инфинитивом типа *пахати землю*^{ACC}. Те же предикативы могли вводить инфинитив, что якобы привело к закреплению им.п. – *надобь земля*^{NOM} *пахати*. Позже идею связи конструкций с им.п. через общий член (*ꙗꙗ ꙗꙗꙗꙗ*) развивал Ю.С. Степанов (1984; 1989, 165), который подчеркнул, что оборот *земля пахати* зависит от внешне выраженного или нулевого модального оператора *надобь*^{MOD/Ø}^{MOD} [*земля пахати*]. Гипотеза Шахматова-Степанова не вполне согласуется с данными о дистрибуции конструкции им.п. + инфинитив в древнерусский период и с хронологией ее распространения в диалектах русского Севера. Как указано выше в разделе 5, чем ближе древнерусский памятник к устной речи, тем меньше вероятность встретить в нем структурную схему PRED – V_{inf} – N_{nom} (*надобь земля пахати*). Кроме того, что ранее не отмечалось в литературе, гипотетическая исходная схема PRED – N_{nom} (*надобь земля*), возможно, вообще не встречалась в русском языке до грамоты Менгу-Темира (1267 г.), где представлено два бесспорных примера употребления формы им.п. на *-а* в позиции дополнения безличного предикатива¹³ в составе двух формул – (1) *а не надобе им дань и тамга и поплужное, ни ям, ни подводы, ни воина, ни корм и во всех пошлинах* и (2) *не надобе им ни которая царева пошлина, ни царицина*. Обе эти формулы, вероятно – с опорой на прецедентный текст XIII в. – устойчиво воспроизводятся в традиции великорусских жалованных грамот XIV–XVI вв.: формула ‘не надобе ни <X>, ни тамга’ встречается в 1411–1607 гг. не менее 85 раз, а формула ‘не надобе никаоторая пошлина’ в 1397–1536 гг. – не менее 62 раз. Дополнительная трудность, возникающая в связи с гипотезой Шахматова-Степанова, состоит в переводе анализа *ꙗꙗ ꙗꙗꙗꙗ* на язык современной грамматической теории. Прямолинейное объяснение в терминах т.н. гипотезы подъема, согласно которой аргумент зависимой клаузы переносится в главную клаузу, где занимает вакантное место подлежащего, с чем якобы связано получение им.п., не проходит. Накоплено достаточно данных, свидетельствующих о том, что им.п. может приписываться дополнению при незаполненной позиции подлежащего (Timberlake 1974; Ронько, Циммерлинг 2015; Seržant 2015). Многие языки с параметром номинативного объекта – литовский, латышский, финский, древнескандинавский – относятся к тому же циркумбалтийскому ареалу, куда входят диалекты русского Севера.

¹³ В договорных грамотах Великого Новгорода схема PRED–NOM тоже появляется с конца 1260-х гг., правда, здесь форма дополнения предикатива морфологически амбивалентна между им.п. и вин.п.: *А выводь*^{NOM/ACC} *ти, Княже, въ всей волости Новгородской ненадобе* (ГВНП 1949, № 2, Ярослав Ярославич, 2-я (1265)). Любопытно, что в одной из грамот этой группы (ГВНП 1949, № 3 (1270)) упомянут *Менгутемерь царь*.

	Nom-Inf		Acc-Inf	
	Count	Percentage	Count	Percentage
Клаузы с фазовыми глаголами и глаголами движения	1	0,1%	111	20,9%
Клаузы с модальным глаголом/предикативом	49	5,0%	25	4,7%
Всего встроённых клауз	144	14,9%	273	51,4%
Всего клауз, без учета каузативов и волитивов	967	100,0%	531	100,0%
110 ИГ в ж.р. ед.ч.				

Таб. 3. Инфинитивные обороты с безличным модальным словом и фазовыми глаголами/глаголами движения при ИГ в им.п. и вин.п., по данным Старорусского корпуса НКРЯ.

Гипотеза Шахматова-Степанова предполагает связь между наличием безличного модального глагола или предикатива и приписыванием им.п. дополнению инфинитива. Чтобы проверить, так ли это, нужно сверить статистику употреблений безличных модальных слов, при которых дополнение инфинитива может получать как им.п., так и вин.п. Эта задача была решена нами на тестовом словнике из 110 ИГ в ж.р. (таб. 3), которые в общей сложности употребляются в Старорусском корпусе НКРЯ в конструкции им.п. + инфинитив 1054 раза, а в конструкции вин.п. + инфинитив – 1516 раз. Из выборки стоит исключить примеры, где инфинитив вводился каузативным (ср. *велъти, приказати*) или волитивным глаголом (ср. *хотъти*), так как сочетание модального оператора с каузативом или волитивом типа **мошьно/достоитъ велъти ловити рыба/рыбу* в корпусе практически не встречается.¹⁴ После ограничения выборки релевантными случаями выясняется, что конструкция с безличным модальным словом и инфинитивом, вопреки гипотезе Шахматова, имеет почти одинаковую частотность (4,7–5%) при им.п. и вин.п. При этом гипотеза Шахматова не предсказывает наблюдаемую асимметрию: обороты им.п. + инфинитив в 85% случаев являются независимыми предложениями и лишь в 14,9% случаев (144 примера из 967) выступают в роли зависимых клауз, в то время обороты вин.п. + инфинитив используются в качестве зависимых клауз в три раза чаще (51,2%, 272 примера из 531). Диагностику дает не дистрибуция безличных модальных предикатов (именных и глагольных), которые с равной частотностью надстраиваются над оборотом им./вин.п. + инфинитив при обоих падежах, а другая группа лексики – фазовые глаголы (*начати, почати, учати, стати* и т.п.) и глаголы движения, ср. [_{VP} *пошелъ* [_{InfP} *воевати* [_{DP} *землю черкасовъ пятигорскихъ*]^{ACC}]] (А. Курбский, 1554–1583). В этой зоне, как показывает корпус, конструкция им.п. + инфинитив в XIV–XVII вв. практически не употреблялась: 1 поздний пример (1698 г.) против 111 примеров вин.п. + инфинитив.

¹⁴ Единственное исключение в корпусе связано с явным церковнославянизмом: *Велико*^{PRED} *бо естъ възжелъти*^{VOL} *положити* [_{DP} *душа своя*]^{NOM} *за братию* (Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 20 сентября. Слово похвальное Филолога черноризца о святых великомучениках черниговских, славном Михаиле великом князе и Феодоре его советнике (1530–1554)).

Тем самым, вытекающее из гипотезы Шахматова предсказание дистрибуции *ловить рыбу* (вин.п.) ~ *надобь ловить рыба* (им.п.) не подтвердилось. Зато корпусные данные показывают, каких модификаций инфинитивной клаузы можно ждать в русском тексте XIV–XVII вв. при усложнении синтаксической структуры, см. (i):

- (i) [ловити рыба/рыбу] ⇒ надобь [рыба/рыбу ловити]
 [ловити рыба/рыбу] ⇒ учал [рыбу/*рыба ловити]
 [ловити рыба/рыбу] ⇒ пошел [рыбу/*рыба ловити]

6.3 Параметр номинативного объекта

В ряде работ, использующих разную терминологию, распространение конструкции *земля пахати* связывается с наличием параметра, разрешающего приписывать дополнению им.п. при причастии, предикативе и финитном глаголе (см. Котков 1959; Кузьмина, Немченко 1964; 1971, 47; Timberlake 1974; Крысько 1994, 193; Даниленко 2003, 233–248; Ронько, Циммерлинг 2015). Наличие такого параметра в грамматике древних славянских языков трудно отрицать, сохраняя тезис о том, что диагностика подлежащего в этих языках связана с контролем формы сказуемого в роде и числе,¹⁵ Ранний пример употребления дополнения в им.п. после финитного глагола зафиксирован в церковном уставе: *чрѣпляють мннхомъ. ривнѣннага оуѣха* (Уст. 207, под. 1193 г.). Примеры постановки дополнения несогласуемого причастия в им.п. известны и из памятников, где конструкции *им.п. + инфинитив* нет, например, в Лаврентьевской летописи: *поручено же бы кмѹ стража морская* [Им. п. ед.ч. ж.р.] ‘ему был поручен морской дозор’ (Лавр. л., 169, под. 1263 г.). В среднерусский период такие примеры стали регулярными.¹⁶ В той же группе памятников, где есть примеры типа *брати полтина/тамга*, обычно есть и примеры типа *дано полтина*,¹⁷ *не надобе им тамга* и т.п. Исторические

¹⁵ В концепциях А.А. Потебни и А.А. Шахматова дополнения в им.п. не признаются, при этом Потебня (1958, 358–361) считал предложения типа *всем сказано служба* бессубъектными, а Шахматов (1941, 135–140) признал их двусоставными структурами без согласования.

¹⁶ Любопытно, что при пересказе эпизода Лавр. л. 169 с видением Пелгусия и *морьской стражей*, писцы Никоновской, Вологодско-Пермской летописей и Пискаревского летописца, в идиолекте которых была конструкция *им.п. + инфинитив* (ср. Попова 2017 о языке Никоновской летописи), подставляют согласуемую форму ж.р. *поручена*.

¹⁷ В памятниках XVI–XVIII вв., отражающих акание, часть примеров типа *взято полтина* может объясняться неразличением безударных *-о* и *-а*, ср. аналогичное замечание В.И. Трубинского об интерпретации примеров типа *палка брошено* в записях акающих диалектов, сделанных в XX в. (Трубинский 1984, 109). Однако в общей форме наличие синтаксической модели прич. ср.р. ед.ч. + им.п. дополнения

корпуса подтверждают релевантность параметра номинативного объекта в течение длительного периода истории русского языка, но обороты с безличным причастием/предикативом и дополнением в вин.п. без дополнительных допущений не могут быть признаны источником конструкции им.п. + инфинитив.¹⁸ А.И. Даныленко предположил, что оформление дополнения инфинитива вин.п. было конечной стадией перехода от конструкции с дополнением предикатива, в то время конструкция им.п. + инфинитив была промежуточной стадией этого же процесса: (1) **вежа* (им.) *ми* (дат.) *было* (< была) *видьно* ⇒ (2) **вежа* (им.) *ми* (дат.) *было видьти* ⇒ (3) *вежоу* (вин.) *ми* (дат.) *было видьти* (Даныленко 2003, 242). Ни подтвердить, ни опровергнуть эту схему наши данные не могут. Стоит отметить два фактора. Во-первых, при многообразии глаголов, принимающих им.п. в инфинитивных клаузах в Старорусском корпусе НКРЯ, глаголы восприятия (*видьти, слышьти* и т.п.) не встретились вообще, а глаголы *знати* и *вьдати* почти всегда используются в значении ‘распоряжаться чем-л.’.¹⁹ Во-вторых, ненулевые формы связки ‘быть’ (*было, будет, есть*) в безличных оборотах с инфинитивом и дополнением в им.п./вин.п. крайне редки. Ср. и *мнѣ есть надѣ кѣмъ [др *опала своя*]^{НОМ} положити* (Иван Грозный. *Послание в Кирилло-Белозерский монастырь* (1573)); и *побѣди велика, силна, зла татарина, от негоже было пшти многимъ людем [др *смертнаа чаша*]^{НОМ}* (*Сказание о Мамаевом побоище* (1400–1425)), и *толко тѣхъ татарѣ отъ ямскіе гонбы отставитъ, и кому будетъ [др *та ямская гонба*]^{НОМ} гонять?* (*Отписка тюменского воеводы о челобитье ленских и др. татар, чтобы их освободить от ямской гоньбы. – Челобитные татар* (1629)).

	Nom-Inf				Acc-Inf			
	Всего клауз, без учета каузативов и волитивов	Безличные клаузы, вводимые формами глагола ‘быть’			Всего клауз, без учета каузативов и волитивов	Безличные клаузы, вводимые формами глагола ‘быть’		
		<i>есть</i>	<i>было</i>	<i>будет</i>		<i>есть</i>	<i>было</i>	<i>будет</i>
110 ИГ	966	1	3	3	531	0	2	0
в ж.р. ед.ч.	100%	0,1%	0,3%	0,3%	100%	0%	0,38%	0%

Таб. 4. Инфинитивные обороты с ИГ в им.п./вин.п., вводимые ненулевыми формами глагола ‘быть’, по данным Старорусского корпуса НКРЯ.

в языке XVI–XVIII вв. оспорено быть не может. Ср. *Да ему ж дано при царе Василье другая ввозная грамота* (Дозорная книга Карачевского у. (1614)).

¹⁸ В русской диалектологии обсуждалась и обратная гипотеза о том, что инфинитивная конструкция *земля пахать, трава косить* повлияла на закрепление безличного переходного пассива с причастием на *-но/-то*, ср. диал. *пол помыто, изба срублено* в диалектах русского Севера (Кузьмина, Немченко 1964). Ср. критику в (Трубинский 1984, 109–113).

¹⁹ Исключение – сочетание *мѣра знати*, зафиксированное в *Домострое*.

Малое количество примеров в таб. 4 неслучайно. Экзистенциальные и гипотетические допущения, вносимые *есть/было/будет*, плохо сочетаются с модальным значением конструкции им.п. + инфинитив (и заменяющей ее конструкции вин.п. + инфинитив).

6.4 Гипотезы о внутреннем объекте и неопределенном падеже

Ю.С. Степанов, опираясь на соображение Дж. Данна (Dunn 1982, 510) и стадильные реконструкции индоевропейского синтаксиса, предположил, что исконной функцией балто-славянской конструкции им.п. + инфинитив, а также близких сочетаний в вин.п., было выражение т.н. внутреннего объекта, реализуемого в оборотах типа ср.рус. *пашня пахати*, лит. диал. *man [visi darbai]^{NOM.PL} tenka dirbti* ‘мне все работы приходится работать’. Данное значение объявляется им реликтом неопределенного и.-е. падежа (*casus indefinitus*) (Степанов 1989, 44, 58, 166). В связи с этим, он восстанавливает для оборота им.п. + инфинитив общее значение ≈ ‘осуществлять типичную функцию, связанную с называемым предметом’ (Степанов 1984). Р.В. Ронько, в иной системе понятий, обсуждает варьирование формы падежа дополнения инфинитива как возможный случай асимметричного дифференцированного падежного маркирования, т.е. противопоставления вин.п. неопределенной падежной форме (Ронько 2016, 174; 2017) и делает оговорку, что такой анализ применим лишь к части материала.

В нашей выборке тавтологические сочетания в точном смысле термина, т.е. повтор основы имени в инфинитиве глагола (*figura etymologica*) встретились дважды: *пашня пахать* (тж. *распахивать* и т.п.) – 46 примеров (1543–1683 гг.) и *служба служить* – 83 примера (1556–1695 гг.).²⁰ Позднее время документации примеров не опровергает их архаичности. Чтобы закрепилось клише типа *служба служить*, нужно, чтобы такая новая для общества реалья, как царская власть, отразилась в текстах. Точно также, приказ (или разрешение) *пахать пашню* в просмотренной группе текстов отражает устоявшуюся феодальную иерархию с неравенством коммуникантов. Тем не менее, есть два основания отвергнуть гипотезу о внутреннем объекте в версии Ю.С. Степанова. Во-первых, значение модальной конструкции им.п. + инфинитив не меняется от замены ‘тавтологического’ (*пашня пахать*) глагола на нетавто-

²⁰ Мы проверяли не вошедшее в выборку существительное ж.р. *работа* и нашли 1 поздний пример с инфинитивом: ст.рус. *почать та работа работать намъ наемщикамъ* (1698 г.). Также было обнаружено 2 поздних примера тавтологического сочетания инфинитива с вин.п., ср. *И какую работу рабуать ни будеши, работой не так, каков обычай имут поденыцики, но работой так, как ты можеши про себя работать.* (И.Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718–1725)) и 15 примеров с финитным глаголом, типа *работу работае* (1591–1697 гг.). Ср. самый ранний пример: и [др *всяку работу монастырскую*]^{ACC} *работаше* (*Житие митрополита Филиппа* (1591–1597)).

логической (*пашня завести, пашня смечать*). Многообразие глаголов при каждом из существительных выборки определяется характером действий, которые можно приказать или разрешить адресату произвести со *службой, пашней, рыбой, бочкой* и т.п. Но отсюда не вытекает, что в сочетаниях *смечать пашня, купить бочка, солить рыба* глагол тавтологичен и не несет новой информации, даже если бочка – объект купли-продажи, а рыба – объект соления. Во-вторых, предполагаемый внутренний объект даже в тавтологических сочетаниях мог иметь полную синтаксическую структуру, ср. [NP *служба*]^{NOM} ⇒ [DP *твоя государева служба*]^{NOM} *служити*. Он также мог быть референциальным и указывать на конкретный предмет, ср. *чтобъ имъ [DP та пашня]^{NOM} *пахать на себя* (1597 г.). Представляется, что при расширительном толковании понятие внутреннего объекта неоперационально. Гипотеза о том, что за противопоставлением форм им.п. и вин.п. в истории русского языка стоит семантика неопределенной формы имени, кратко обсуждается в разделе 7.*

6.5 Диахронические объяснения в свете синхронных данных. Выводы

Данные синхронного анализа не могут непосредственно подтвердить или опровергнуть гипотезы о происхождении конструкции им.п. + инфинитив. Однако порой они помогают оценить доказательность этих гипотез, если последние явно или неявно апеллируют к употребленным, которые по историческим соображениям признаются «правильными» или «архаичными». Нет никаких оснований считать какую-либо часть предложений с оформляемым им.п. пациентным аргументом инфинитива переходного глагола, в том числе, спорадические примеры типа *вода их пити сладка и студена*, с контролем предикативного определения в роде и числе, или тавтологические сочетания *пашня пахати*, более архаичными или реликтовыми, чем другие предложения, где дополнение инфинитива имеет ту же семантическую роль. В праславянской грамматике нет непосредственного синтаксического источника древнерусской конструкции им.п. + инфинитив. Уже один этот факт делает гипотезу о грамматическом заимствовании в результате ареальных контактов древнерусского языка с циркумбалтийскими языками наиболее вероятной. В то же время, закрепление конструкции с им.п. дополнения инфинитива, скорее всего, указывает на то, что параметр номинативного объекта, разрешавший приписывать неподлежащему аргументу прямой падеж, уже действовал на момент заимствования, что и облегчило ассимиляцию оборотов с модальным инфинитивом и дополнением в им.п. русской грамматикой.

7. Падеж дополнения инфинитива и дифференцированное маркирование аргументов

На протяжении всей истории изучения конструкции им.п. + инфинитив было известно, что ни в одной форме русского языка им.п. не приписывался

дополнению в 100% случаев. Русский язык ни в один момент времени не соответствовал схеме: *X ловит рыбу* (вин.п.) : *Ловити бы X-у рыба* (им.п.). Частично это объясняется тем, что дополнения в им.п. проникают (или, при другом анализе – сохраняются, см. выше раздел 6.3) в финитные, причастные и деепричастные клаузы (*поручено ему стража морьская, Иван чистил та земля, князю судница давши* и т.п.). Но главная причина состоит в том, что в вин.п. регулярно использовался в позиции дополнения в самих инфинитивных клаузах. Доля примеров с вин.п. в разные периоды русского языка и в разных группах памятников может быть выше²¹ или ниже, при этом выполненные в разные годы описания диалектов русского Севера, где конструкция сохранялась в начале XX в., свидетельствуют о неуклонном снижении ее частотности и сужении диалектной базы (ср. Кузьмина, Немченко 1964; Ронько 2017).

Лишь в последние годы синхронное варьирование форм вин.п. и им.п. в позиции дополнения инфинитива стало предметом самостоятельного интереса славистов. Накопленные наблюдения заставляют предполагать, что распределение вин.п. и им.п. регулируется правилами. Если выбор падежа дополнения зависит от некоторых прагматических факторов (одушевленность/неодушевленность, определенность/неопределенность, коммуникативный статус), распределение оборотов им.п. + инфинитив и вин.п. + инфинитив воплощает механизм дифференцированного маркирования аргументов (differential argument marking) (Ронько, Циммерлинг 2015; Ронько 2016; Лютикова, Ронько, Циммерлинг 2016). Чтобы понять, какой фактор был решающим при выборе падежа дополнения в инфинитивных клаузах, нужно уточнить зону, где им.п. и вин.п. конкурировали между собой. Предлагаемый ниже анализ дистрибутивных свойств конструкции им.п. + инфинитив учитывает важные идеи, ранее высказанные В.Б. Крысько и А.А. Зализняком.

7.1 Инфинитивные клаузы в контексте отрицания, каузативных и воликативных предикатов

В.Б. Крысько связал широкое распространение оборотов им.п. + инфинитив с эволюцией категории одушевленности ($B = P$ vs $B \neq P$) и внутренней перестройкой падежной системы древнерусского языка. На конструкцию им.п. +

²¹ Поскольку авторы большинства работ стремились доказать регулярность конструкции им.п. + инфинитив, в «правильном» употреблении древне- и старорусского периода, типичной характеристикой является следующая: 'у автора N в тексте таком-то им.п. в позиции дополнения инфинитива употребляется намного чаще, чем вин.п.'. Так, Ф.П. Филин, говоря о *Книге о скудости и богатстве* И.Т. Посошкова (1724), сообщает, что в ней «форма на -а в значении аккузатива употреблена 131 раз (при независимом инфинитиве), а форма на -у (-ю) – только 15 раз» (Филин 1969, 74). Спустя полвека к тому же памятнику обратилась А.В. Попова. Согласно ей, контраст еще больше: 150 примеров против 10 (тип клаузы не уточняется) (Попова 2017, 258).

инфинитив ориентированы, прежде всего, неодушевленные существительные. После развития категории одушевленности неомонимичная им.п. форма вин.п. становится характеристикой одушевленных имен м.р.: *слати осетрьникъ*^{NOM} (ГВНП 1949, № 2 (1266)) vs *слати осетрьника*^{ACC} (ГВНП 1949, № 6 (1304–1305)). Русский язык стремится распространить то же противопоставление на имена ж.р., в т.ч., на имена *a*-склонения, у которых формы морфологических им.п. и вин.п. изначально были неомонимичны. В инфинитивных предложениях с модальным значением роль пациенса, выражаемая дополнением переходного глагола, сигнализируется синтаксической схемой, падежное противопоставление вин.п. и им.п. как маркеров объекта и субъекта здесь избыточно. Отражением этого является экспансия старой формы им.п. на *-a*, которая в новых условиях переосмысливается как несубъектная форма (преимущественно) неодушевленных существительных ж.р., в зону употребления формы вин.п. (Крысько 1994, 194–195). Этот процесс не был завершен в древнерусский и даже в старорусский период, но с той же тенденцией к замещению форм косвенных падежей формой им.п. на *-a* можно связать представленные в русских диалектах явления расогласования существительного, определений и детерминативов, ср. *сетка*^{NOM} *возьми мою*^{ACC} Пск., а также употребления им.п. на *-a* после предлога, ср. *в байна*^{NOM} *сходить* Лен., *вам в дорога*^{NOM} *надо будет* Новг, *только за одна*^{NOM} *вода*^{NOM} *не платит* Ряз. и т.п. (ibid. 196; ср. Кузьмина 1993, 7–17). Из анализа В.Б. Крысько следует, что им.п. в определенных контекстах функционально объединяется с род.п., так как они оба противопоставлены вин.п. В этой связи мы проверили инфинитивные клаузы с отрицанием, чтобы выяснить, насколько часто им.п. используется в текстах Старорусского корпуса в функции род.п. отрицания в контексте типа [?]*грамота!*^{??}*грамоту не дати*.

А.А. Зализняк отметил, что в берестяных грамотах и в *Вопрошании Кириковом* конструкция им.п. + инфинитив не используется после глаголов *хотѣти*, *вельѣти* (Зализняк 2004, 157).²² Он также обратил внимание на то, что в языке берестяных грамот существительное в им.п. неизменно стоит перед

²² Похожее наблюдение на материале южнорусских текстов XVII в. сделал С.И. Котков (1959), но его формулировка менее точна: он не выделил в особую группу каузативы и волитивы и ограничился указанием на то, что «именительный на *-a* при инфинитиве, зависимом от глагольной формы или наречного образования, обыкновенно не выступает». В.И. Борковский еще ранее утверждал, что употребление конструкции при зависимом инфинитиве является свидетельством ее начинающегося разложения (Борковский 1949, 341). Это утверждение слишком сильно. Примеры им.п. в клаузах, вводимых предикативом и безличным глаголом, есть уже у Кирика в первой половине XII в. При таком подходе получается, что ‘правильное’ употребление конструкции нам недоступно, оно реконструируется для дописьменной эпохи на основе тех или иных априорных соображений, в то время как на протяжении письменной истории русского языка конструкция непрерывно разлагается в течение 600 лет.

инфинитивом,²³ а в зависимых инфинитивных клаузах грамоты используют вин.п. (ibid.). В этой связи мы сочли необходимым проверить долю корпусных примеров, вводимых каузативными и волитивными предикатами, отдельно для предложений им.п. + инфинитив и для предложений вин.п. + инфинитив. В общей группе учитывались клаузы, вводимые финитной и нефинитной формой каузативного предиката, ср. *велеть/велено дать грамоту/грамота*. Кроме того, для того, чтобы установить, связана ли препозиция дополнения инфинитива с его падежом, для каждой из выборок мы подсчитали соотношения линейных порядков NOM – INF ~ INF – NOM и ACC – INF ~ INF – ACC. Корпусные данные по зависимым инфинитивным клаузам, не вводимым каузативным/волитивным предикатом, уже приводились выше в разделе 6.2.

		Всего	Кауз. и вол.	Прочие		N-Inf	Inf-N
				Отр.	Неотр.		
110 ИГ в ж.р.	Им.п. + инфинитив	1054	87	5	962	746	308
		100%	8,25%	0,47%	91,3%	70,8%	29,2%
ед.ч.	Вин.п. + инфинитив	1516	985	1	530	1070	445
		100%	65%	0,07%	35%	70,6%	29,4%

Таб. 5. Инфинитивные обороты с ИГ в им.п./вин.п., в контексте каузативных, волитивных предикатов и общего отрицания, по данным Старофурского корпуса НКРЯ.

Из таблицы 5 видно, что гипотеза о связи между препозицией дополнения и выбором им.п. не подтвердилась: инфинитивные клаузы с им.п. и вин.п. имеют одинаково высокий коэффициент препозиции (70,6 ~ 70,8%). Напротив, нетипичность комбинации оборота им.п. + инфинитив с каузативным и волитивным предикатом статистически значима. Прямого запрета нет (о чем свидетельствует 87 исключений, 8,25%²⁴), но соответствующее значение прочно закреплено в текстах за вин.п. – 65% от общего числа клауз вин.п. + инфинитив. Если отбросить употребления вин.п. после каузатива/волитива, выясняется, что в той зоне, где им.п. и вин.п. реально конкурирует, им.п. выбирается почти в два раза чаще (967 примеров против 531 примера вин.п.). Стандартное распределение двух конструкций предсказывается формулой (ii):

$$(ii) \text{ (вам бы) } [[\text{рыба}]^{\text{NOM}} \text{ ловити}] \Rightarrow \text{велѣти} \text{ (бы вам) } [[\text{рыбу}]^{\text{ACC}} \text{ ловити}]$$

Формула (ii), требующая им.п. дополнения в независимой инфинитивной клаузе, но вин.п. в инфинитивной клаузе, вводимой каузативом/волитивом, наглядно подтверждается примером (20), где в роли каузатива использовано перифрастическое сочетание *воля дати*, имеющее внутреннюю структуры

²³ В языке Кирика, как отмечено в (Ронько 2016), наблюдается баланс порядков NOM – INF и INF – NOM (по 6 примеров).

²⁴ Из 87 примеров, построенных по схеме $V_{\text{CAUS/VOL}} - [_{\text{Inf}} \text{INF} - \text{NOM}]$, 82 являются употреблениями каузатива.

оборота им.п. + инфинитив. По общему правилу, ИГ *воля* в этом случае получает им.п., так как оно находится в независимой инфинитивной клаузе, а ИГ *землю нашу* и *неповинную кровь христьянскую* – вин.п., так как они находятся в зависимых клаузах, подчиненных каузативу *воля дати*. Тем самым, сочетание двух конструкций с им.п. и вин.п. дополнения в одной фразе в примере (20), вопреки первому впечатлению, – не сбой, а проявление регулярности грамматического правила.

- (20) ст.рус. и тѣмъ врагомъ [InfP1 [NP **воля**]^{NOM} дати] [InfP2 [землю нашу]^{ACC} **разоряти**] и [InfP3 [DP **неповинную кровь христьянскую**]^{ACC} **разливати**] (*Новая повесть о преславномъ Российскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ* (1610–1611))

Формула (ii) требует истолкования. Наиболее естественно объяснять ее семантически. Каузативные и волитивные предикаты предполагают контроль ситуации со стороны говорящего.²⁵ Напротив, модальная конструкция им.п. + инфинитив ориентирована на выражение неконтролируемых говорящим ситуаций: адресат или третье лицо оказывается перед необходимостью сделать р или получает возможность сделать р. Поэтому сочетание каузатива/волитива с конструкцией им.п. + инфинитив семантически нежелательно. Большее распространение к концу старорусского периода клише с каузативом типа *вельти дати им своя грамота* вместо более раннего *дати им своя грамота* отражает не столько сдвиги в значении конструкции, сколько тенденцию к расширению сферы ее употребления. При этом возникают ситуации, когда форма приказа, эксплицируемого каузативом, не гармонирует с модальностью вложенного инфинитива.²⁶ Так, патриарх Никон, именовавший себя в грамотах *великимъ господиномъ*, мог приказать подчиненным ловить рыбу. Но даже его власти могло не хватить, чтобы каузально заставить их не быть ленивыми, на что претендует автор примера (21).

- (21) ст.рус. А на Святѣ озерѣ [vP **вельтъ**^{CAUS} бы вамъ монастырскими и крестьянскими неводами, возлѣ береговъ и отъ монастыря въ дальнихъ мѣстѣхъ, [InfP [NP **рыба**]^{NOM} **ловить безъ лѣности**]] (*Грамота патриарха Никона к архимандриту Иверского монастыря Дионисию о совершении разныхъ приготовлений к предстоящему приезду в Иверский монастырь царя и патриарха* (1657.11.18))

Материал клауз с общим отрицанием при инфинитиве не дает репрезентативной статистики. Приведем все 5 примеров, построенных по модели NOM – NEG – INF: *А дал есмь сю грамоту на себя господину своему Ионе ми-*

²⁵ В формальном плане такие предикаты, как *позволить себя убить*, *дати разоряти нашу землю* являются каузативами. Каузация нежелательного для X-а события р осуществляется из-за бездействия или неверных действий X-а.

²⁶ Ср. ниже частицу *бы*, показатель оптатива, в матричной клаузе примера (19) ниже: *вельтъ*^{CAUS} *бы*^{OPT} *вамъ...рыба*^{NOM} *ловить*^{INF} *безъ лѣности*. Говорящий, с одной стороны, оформляет свой речевой акт как пожелание, с другой – приказывает адресату.

трополиту киевскому и всеа Руси о том, по тому ми [_{NegP} [_{DP} *та земля*]^{NOM} *не* [_{InfP} *осваивати*]] (1448–1461); *А* [_{NegP} [_{DP} *та отчина*]^{NOM} *из Пречисты дому не* [_{InfP} *продати, ни променити, ни роду, ни племяни на выкуп не дати*]] (1587–1588); *А* [_{NegP} *после моего живота ему, Богдану, за то мое жалованья* [_{InfP} [_{CoP} [_{DP1} *жена моя*]^{NOM} и [_{DP2} *детки*]] *не покинуть*]] (1597–1598); а чтобы де впредь съ тѣхъ новоприбылыхъ пяти варницъ [_{NegP} [_{InfP} [_{DP} *пошлина*]^{NOM} *не имать*]], того де у нихъ въ грамотѣ не написано (1666.10.04); [_{NegP} [_{InfP} *только бѣ* [_{DP} *рыба*]^{NOM} *не поморить*]] (1657.11.18).²⁷ Нормой для описываемого периода было противопоставление в данной позиции им.п vs род.п.: *Орда*^{NOM} *знати* vs *Орды*^{GEN} *не знати* (1433 г.; ср. пример (6) выше).

Единственный пример с вин.п., скорее всего, является церковнославянизмом, в нем общее отрицание вынесено в начало клаузы.²⁸

7.2 (Не-)Одушевленность и (не)референциальность ИГ как фактор выбора падежа

Во многих языках мира с дифференцированным маркированием аргументов ИГ получают в одной и той же позиции разные падежи в соответствии со шкалой одушевленности и/или шкалой референциальности (Aissen 2003). Одушевленные и референциальные (обозначающие исчисляемые сущности) ИГ получают более высокий в иерархии падеж, чем неодушевленные и нереперенциальные ИГ (Lyutikova, Pereltsvaig 2015; Лютикова, Перельцавайг 2015; Лютикова, Ронько, Циммерлинг 2016). Эти факторы выбора падежа дополнения были проверены в числе первых при применении теории дифференцированного маркирования к инфинитивным клаузам древнерусского языка (Ронько 2016). В концепции В.Б. Крысько в паре вин.п. : им.п. в позиции дополнения инфинитива вин.п. признается приоритетной, признаковой падежной формой, эксплицитно маркирующей роль пациенса. Поскольку в конструкции *им.п. + инфинитив* преимущественно реализуются неодушевленные существительные, падежная форма на *-а* переосмысливается как особый маркер неодушевленных имен (Крысько 1994, 194). Принимая этот анализ, Р.В. Ронько обсуждает возможность интерпретации варьирования вин.п. ~ им.п. в инфинитивных клаузах как противопоставления признакового падежа (вин.п.) неопределенной падежной форме (им.п.). Одним из доводов в пользу такого решения является то, что существительные, получающие им.п. в древнерусских памятниках и в диалектах русского Севера, в типичном случае имеют комбинацию признаков {– одушевленность; – референциальность}, т.е. находятся в нижней части обеих шкал (Ронько 2016, 171).

²⁷ Пример с отрицанием есть в *Псковской судной грамоте*, на данный момент не включенной в коллекцию НКРЯ: *и князю продажѣ*^{NOM} *не взяти* (ПСГ, ст. 53).

²⁸ Кроме того, в данном примере ИГ в вин.п. не имеет роли пациенса: *Не вѣру*^{ACC} *и упование пребыти любовь глаголю*. (Из *Диоптры Филиппа Пустынника. Разговор души и плоти* (1300–1400)).

Ключевые факты состоят в следующем. 1. Признак одушевленности/неодушевленности нерестриктивен, в отличие от признака местоименности/неместоименности. В конструкции *земля пахати* употребляются и неодушевленные (чаще), и одушевленные (реже²⁹) ИГ (Попова 2017: 261). Ср. [DP *дочь Марья*]^{NOM} *поняти* (Запись грамоты п. Иова во Владимир губному старосте В. Зловидову об отказе с.б. Ф.С. Лупандину поместья И.Ф. Мануйлова, в сц. Кусунове (1599.10.09)), но запрещены личные местоимения, нет примеров типа **вам бы она*^{NOM} *поняти*; 2. Одни и те же существительные/ИГ могут принимать в одном и том же типе инфинитивных клауз как вин.п., так и им.п. в одном и том же памятнике (Попова 2017, 260); 3. Имена собственные могут употребляться в позиции приложения в составе референциальной ИГ, ср. *и нам* [DP *та своя вотчинная деревня Юрлово*]^{NOM} *с пустошми и со всеми угоды очищати* (Данная с отводом кнг. Марии, вдовы кн. Андрея Борисовича Моложского, с сыном Василием арх. Сп.-Яр. монастыря Селиверсту на д. Юрлово с пустт. в Горетове ст. Московского у[езда] (1568.11.22)). Это значит, что позицию дополнения инфинитива в конструкции им.п. + инфинитив в памятниках старорусского периода могла занимать даже ИГ, обозначающая уникальный объект.

Очевидно, что в таких условиях ни одушевленность, ни референциальность не были ключевым фактором выбора им.п. в инфинитивных клаузах. Чтобы проверить параллельные употребления существительных в оборотах им.п. + инфинитив и вин.п. + инфинитив, мы создали словник из 110 ИГ в ж.р. Часть элементов словника была внесена на основе предварительного знакомства с частью текстов, другая часть была добавлена специально, поскольку эти элементы по своим формальным и семантическим свойствам были сочтены подходящими для использования в конструкции им.п. + инфинитив. Проверялись различные написания элементов списка.³⁰ У 3 элементов (*пшеница, литургия, литоргея*) употреблений им.п. + инфинитив в итоге не оказалось, у 21 элемента (*таможня, плотина, деньга, денга, присяга, парадня/порядня, шуба, шапка, одежда, кутья, чарка, просфира, панахида, Орда, хоромина, мўка, та страсть, рубашка, ссуда, мўра/мера, подвода*) не были обнаружены употребления вин.п. + инфинитив. Таким образом, параллельные употребления есть в 86 парах из 110. В таб. 6 приводится статистика по

²⁹ В протестированном словнике из 110 существительных/ИГ в ж.р. 4 – *жена, сестра*, <своя> *дочь*, и *девка* являются одушевленными. На их долю приходится 22 примера из 1054 (2%). Еще 5 корпусных примеров им.п. + инфинитив связаны с не включенными в словник существительными *племянница, невеста, госпожа*.

³⁰ На данный момент Старорусский корпус не дает нормализации графики и не имеет опции поиска по лексико-грамматическим формам. Решение зачитывать варианты написания в парах *одежда* ~ *одежа*, *понахида* ~ *панахида*, *денга* ~ *деньга* за разные вхождения, а написания *вўра/вєра*, *мўра/мера*, *парядня/порядня*, *водка/вотка*, *роука/рука*, *мельница/мельница* – за варианты одного вхождения носит технический характер и связано с особенностями поиска.

А. Ранжированный список по NOM-INF			В. Ранжированный список по ACC-INF		
	NOM	ACC		ACC	NOM
1. служба	100	39	1. грамоту	323	43
2. вотчина	81	82	2. пашню	93	57
3. пашня	57	93	3. вотчину	82	81
4. рыба	45	45	4. землю	66	33
5. пошлина	44	24	5. <свою> печать	57	5
6. грамота	43	323	6. душу	54	35
7. душа	36	54	7. жену	52	9
8. земля	33	66	8. веру/вѣру	48	15
9. полтина	33	3	9. воду	45	15
10. грамотка	30	3	10. рыбу	45	45
11. понахида	28	2	11. милостыню	40	4
12. та гибель	25	2	12. службу	39	100
13. половина	24	33	13. половину	33	25
14. обедня	22	3	14. волю	31	16
15. порука	21	2	15. главу	26	1
16. рука/роука	20	20	16. деревню	25	14
17. тамга	20	6	17. молитву	25	4
18. деревня	18	25	18. пошлину	24	44
19. правда	18	15	19. руку/роуку	20	20
20. воля	16	31	20. литургию	18	0
21. вера/вѣра	15	48	21. дружбу	16	5
22. вода	15	46	22. цену	16	3
23. казна	14	5	23. пищу	15	1
24. отчина	12	11	24. сестру	15	10
	770	981		1208	585
	73%	64,7%		79,7%	55,5%

Таб. 6. Сравнительная частота употребления ИГ в ж.р. в инфинитивных клаузах с им.п. и вин.п. дополнения, по Старорусскому корпусу НКРЯ.

элементам, имеющим наивысшую частотность. В левой половине таблицы дан ранжированный список частотности по конструкции им.п. + инфинитив, в правой – по конструкции вин.п. + инфинитив. Темно-серым маркером выделены строки, где число вхождений элемента в им.п. намного превышает число вхождений того же элемента в вин.п. Таких элементов оказалось 10: *служба*, *пошлина*, *полтина*, *грамотка*, *понахида*, *та гибель*, *обедня*, *порука*, *тамга*, *казна*. Светло-серым фоном выделены строки, где число вхождений элемента в обоих падежах примерно равно. Таковых оказалось 5: *вотчина*, *отчина*, *рыба*, *рука/роука*, *правда*. В остальных случаях число вхождений элемента в вин.п. существенно выше, что в таблице не отмечается.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на верхнюю часть ранжированного списка конструкции им.п. + инфинитив (24 ИГ) приходится 73% от общего числа примеров (770 из 1054). Параллельные употребления вин.п. при этих же ИГ в абсолютном значении несколько более многочисленны – 981 пример, что в процентном соотношении меньше (64,7% от общего числа клауз вин.п. + инфинитив). На верхнюю часть ранжированного списка конструкции вин.п. + инфинитив (24 ИГ) приходится 79,7% от общего

числа примеров (1208 из 1054). Параллельные употребления им.п. при этих же ИГ составили 585 примера, что соответствует 55,5% от общего числа клауз вин.п. + инфинитив. Контраст здесь выше, что не бросается в глаза из-за того, что общее число клауз с вин.п. в корпусе в полтора раза больше (1516 против 1044). Поэтому необходимо соотнести наблюдаемую пропорцию им.п. и вин.п. в каждом списке с коэффициентом частотности обеих конструкций в корпусе: $k_{N/A} = 1054_{NOM}/1516_{ACC} = 69,52\%$. Применяв эту меру, мы выясняем, что коэффициент ожидания им.п. в списке А выше ожидаемого среднего значения: $k_{NOM} = 770_{NOM}/981_{ACC} = 78,5\%$. Коэффициент ожидания вин.п. в списке В превышает среднее значение более чем в два раза: $k_{ACC} = 1208_{ACC}/585_{NOM} = 206,5\%$. В лингвистическом плане выведенное соотношение можно считать подтверждением гипотезы о том, что распределение им.п. и вин.п. в инфинитивных клаузах памятников позднерусского и старорусского периода, в целом, соответствует модели дифференцированного маркирования дополнения, при неравенстве конкурирующих падежей. В списке В есть выраженное предпочтение в пользу вин.п., в то время как в списке А вероятность выбора им.п. выше среднего значения.

Вероятность выбора им.п. выше среднего значения	Коэффициент частотности конструкций	Высокая вероятность выбора вин.п.
$k_{NOM} = 78,5\%$.	$k_{N/A} 69,52\%$.	$k_{ACC} = 206,5\%$.

Таб. 7. Распределение им.п. и вин.п. в переходных инфинитивных клаузах, по Старорусскому корпусу НКРЯ.

Если не принимать в расчет распределение падежей в зависимости от типа инфинитивной клаузы и считать статистику по всему материалу, вин.п. должен быть признан дефолтным падежом, выбираемым в паре вин.п. : им.п. по умолчанию. Данные, приведенные в таб. 6, объясняют также, за счет чего в списке А (верхняя часть ранжированной выборки конструкции им.п. + инфинитив) коэффициент ожидания им.п. выше среднего значения: в этот список вошли устойчивые употребления типа [нонахида]^{NOM} *пети*, [та гибель]^{NOM} *платити*, где им.п. воспроизводится в составе синтаксического клише.

Словник не позволяет проверить статистику одушевленных ИГ, так как их в общем списке всего 4 (из 110): *жена, сестра, <своя> дочь, девка*. В списке А, где прогнозируется им.п., нет ни одного из них, в то время как в список В вошло два: *жена* (52 примеров с вин.п. против 9 с им.п.) и *сестру* (15 вин.п. : 10 им.п.). Такое распределение не противоречит модели дифференцированного маркирования.

7.3 Коммуникативный статус дополнения как фактор выбора им.п.

Выбор им.п. дополнения в инфинитивных клаузах и расширениях конструкции им.п. + инфинитив может быть связан с коммуникативным статусом дополнения. В работе (Ронько, Циммерлинг 2015) было впервые высказано предположение, что им.п. дополнения появляется в древнерусских памят-

никах преимущественно в позиции ремы или контрастной темы. Эта гипотеза непосредственно объясняет явное предпочтение в пользу порядка NOM – INF. Инверсия дополнения инфинитива/императива/деепричастия разительно напоминает продуктивную модель коммуникативно обусловленной инверсии – перенос акцентоносителя ремы/контрастной темы левее синтаксической вершины, т.н. Left Focus Movement, ср. рус. *Вася написал* {^{FOC} *письмо*}³¹ ⇒ *Вася* {^{FOC} *письмо*}; *написал* ____i (Циммерлинг 2008). Те же контексты есть и в древнерусских памятниках, хотя мы не вправе делать утверждения о том, как именно могло осуществляться акцентное выделение темы и ремы. Ср. др.рус. новг. *да пришли · сороцицю · сороцицѣ за:быле* ‘да пришли <мне> рубашку, <я> рубашку забыл’ [Бер. гр. 43 (1380–1400)]. Так же интерпретируются примеры с инфинитивом, императивом и деепричастием, см. *толико пити вода* ⇒ др.рус. новг. *толико* {^{FOC} *вода*}; *пити* ____i (Бер. гр. Ст.Р. (1180–1200)), *дай Ондръю прилбиза* ⇒ др.рус., новг. <Ѹ тебе О:ндръѣва прилбиза> {^{FOC} *прилбиза*}; *да:и Ондръю* ___ (Бер. гр. 383 (1380–1400)), *вземши чистая молитва* ⇒ др.рус. {^{FOC} *молитва*} *вземши чистая* ____i (Вопр.Кир., И.11 (1132–1156)); *великому князю изрезати [та грамота, что...]* ⇒ др.рус. *то Великому князю* {^{FOC} *грамота*} *изрезати* ____i, *что dokonчали на городке на Волзь, и другая грамота Новоторъзская, что въ Торжъку dokonчали* (ГВНП 1949, № 12 (1317)). Коммуникативная гипотеза дифференцированного маркирования дополнения в инфинитивных клаузах предсказывает распределение (iii):

(iii) им.п. (рема/контрастная тема) ~ вин.п. (неконтрастная тема).

Сдвиг акцентоносителя левее синтаксической вершины – факультативная операция, к тому же она распространялась в древнерусском языке на дополнения в других падежах, что видно из вышеприведенного примера *сороцицѣ (род.п.) за:быле* (Бер. гр. 43). Статус ремы дополнение могло получать и в постпозиции инфинитиву. Ср. ниже пример (22), где им.п. дважды повторен в контексте противопоставления: Семен (тема₁) должен делать р (рема₁), а Григорий (тема₂) должен делать q (рема₂).

(22) др.рус. двин. А межѣ собѣ учинили огородомъ: {^{TOP1} Семену} {^{FOC1} *городити перегорода середняя до ввоза*}, {^{TOP2} Григорию} {^{FOC2} *городити перегорода заовинная*} (ГВНП 1949, № 262 (Двина, XV в.))

Приписывание им.п. дополнению инфинитива и сдвиг акцентоносителя влево были разноуровневыми и независимыми друг от друга средствами коммуникативного выделения. Тем не менее, комбинация этих двух средств, т.е. инверсия дополнения (INF – NOM ⇒ NOM – INF) и получение рематическим дополнением им.п., довольно точно описывает дистрибуцию конструкции *им.п. + инфинитив* в древнерусских памятниках, не содержащих юридических клише вроде *правда взяти, грамота дати* и т.п. Материал таких

³¹ Фигурные скобки указывают на коммуникативные составляющие, запись {^{FOC} ...} обозначает рему, запись {^{TOP} ...} – тему.

клише, характерных для духовных, договорных и жалованных грамот, не укладывается в предложенную модель целиком, поскольку существительные типа *правда, грамота* в составе таких клише встречаются и в позиции неконтрастной темы. Тем не менее гипотеза о том, что распределение вин.п. и им.п. в инфинитивных клаузах русского языка в какой-то период определялось коммуникативными причинами, остается вероятной. Следы предсказываемого распределения (iii) – им.п. в реме vs вин.п. в теме – прослеживаются даже в памятниках XVI–XVII вв. с их обилием клише. Показательны, прежде всего, контексты, где обороты им.п. + инфинитив и вин.п. + инфинитив соседствуют в пределах одного синтаксического комплекса. Так, в первой клаузе примера (21) автор призывает свою жену *поминати его душа* и в полном соответствии с правилом (iii), использует им.п., поскольку дополнение инфинитива находится в реме. В третьей клаузе того же примера автор призывает жену *поминати душу княгини Ульяны*: то, что использован вин.п., подтверждает, что дополнение инфинитива находится в теме.

- (23) ст.рус. {TOP1 А княжне Огрофене} {FOC поминати [DP **многогрешная душа и моих родителей**]NOM} и во вседневные сенаники написати и {TOP2 [DP1 матери своей]} [DP2 **душу княгини Ульяны**]ACC поминати и родителей ее и во вседневныя сенаники потому ж написати. (*Духовная кн. Юрия Андреевича Оболенского* (1547–1565))

Сходный контекст обнаруживается в *Соборном Уложении 1649 г.*, с той разницей, что в роли контекстного эквивалента вин.п. в (24) выступает род.п.

- (24) ст.рус. и {TOP1 тому, у кого тот заклад был}, {FOC взяти на заимщике [DP **своего долгу половина**]NOM}, а {TOP2 [DP **другия половины**]GEN} {FOC2 не имать}. (*Соборное уложение 1649 г.* (1649))

В примере (25) автор дважды использовал дипломатическое клише *мстить недружба*, оба раза – в позиции ремы, и, в соответствии с правилом (iii), употребил им.п. В (25a) акцентоноситель сдвинут влево, в (25b) дополнение стоит в постпозиции инфинитиву *мстить*, но при этом вся инфинитивная группа находится в реме. В роли темы в обоих случаях выступают деспричастные обороты.

- (25) ст.рус. а. а {TOP1 не сослався де послы с недругом и не оправдавса перед ним}, {FOC1 [DP **недружба**]NOM мстить не пригодитца} (*Статейный список Ф.А. Писемского* (Англия) (1582–1583))
 б. потому что де в здешних во всех странах в крестьянских землях {TOP2 того не ведетца, что не исправдавса перед недругом} {FOC2 мстить ему [DP **недружба**]NOM} (ibid.).

В корпусе есть и контексты, где инфинитивный оборот целиком находится в теме. В этом случае, по правилу (iii), следует ждать вин.п., что подтверждает пример (26).

- (26) ст.рус. Слово наше с тобою было то: взяв Астарахань, {_{TOP1} животы было имати тебе} {_{FOC2} себе}, а {_{TOP2} [DP голову]^{ACC} отдати} {_{FOC2} было тебе мне}. (*Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой*. Книга 5-я (1557–1561 гг.))

В биинфинитивном предложении первая инфинитивная клауза находится в теме. Если эта клауза переходная, дополнение инфинитива получало вин.п., как в примере (27).

- (27) ст.рус. а {_{TOP} [_{INFP1} подати [DP государеву грамоту]^{ACC}]} {_{FOC} [_{INFP2} ѡхати ему въ Тоболескъ тотчасъ]} (*Наказ сыну боярскому Илье Бакшееву, назначенному головою тюменских юртовских и захребетных татар* (1630.04.27))

Примеры (22)–(27) не доказывают, что дистрибуция им.п. и вин.п. в инфинитивных переходных клаузах в XIV–XVIII вв. целиком определялась коммуникативной перспективой. Но они подтверждают, что многие носители русского языка в этот период в ряде синтаксических позиций чередовали формы им.п. и вин.п. в соответствии с регулярным коммуникативно-ориентированным правилом (iii). Отмеченный выше в таб. 5 одинаково высокий коэффициент препозиции дополнения инфинитива при формах им.п. и вин.п. – 70,6–70,8% может непосредственно отражать эмфазу или быть результатом обобщением первоначально инвертированного порядка NOM/ACC – INF в текстах с обилием синтаксических клише. Для окончательного вывода требуется корпусный анализ всех случаев варьирования порядков глагол + дополнение (VO) ~ дополнение + глагол (OV), что выходит за рамки настоящего исследования.

7.4 Внутренняя структура ИГ и сбои в падежном оформлении

В некоторых ранее описанных языках мира с дифференцированным маркированием аргументов ИГ получают разные грамматические маркеры в зависимости от синтаксической сложности самой ИГ. Механизмы такого типа отмечены в мокшанском и горномарийском языках (финно-угорская семья), где референциальные ИГ полной структуры (DP) получают иное оформление, чем нереференциальные/слабореференциальные ИГ малой структуры (NP, QP) (Плешак, Сидорова 2017). С учетом постулированной в (Ронько 2016) связи между выбором им.п. в позиции дополнения инфинитива и нереференциальностью дополнения в древнерусском языке, можно было бы предполагать, что дополнения в им.п. имеют более простую структуру, чем дополнения в вин.п., но это не соответствует фактам. Синтаксис дополнений в им.п. и вин.п. одинаково регулярен, за вычетом запрета на замену дополнения в им.п. личным местоимением:

- (iv) вин.п. помянути [DP мою грешную душу]^{ACC} ⇒ ее помянути
им.п. помянути [DP моя грешная душа]^{NOM} ⇒ *она помянути

В.Б. Крысько указал на представленные в русских диалектах случаи постановки постпозитивных детерминативов и определений в вин.п. при существительном в форме на *-а*, ср. *корова*^{2NOM}-*ту*^{ACC} надо подоить Новг., *сет-ка*^{2NOM} *возьми мою*^{ACC} Пск., *у видал нашу*^{ACC} *деревня*^{2NOM} Вол., что может интерпретироваться как свидетельство переосмысления формы на *-а* как варианта вин.п. в грамматике этих диалектов (Крысько 1994, 196). Однако в корпусном материале на 1054 клаузы был обнаружен всего один бесспорный пример падежного рассогласования существительного на *-а* с детерминативом в инфинитивной клаузе: *и долг заплатити*, и [DP [душа^{NOM}] мою^{ACC}] *помянути* (*Духовная Дмитрия Григорьевича Плещеева (1558–1559)*).³² Еще один часто цитируемый пример есть в *Книге о скудости и богатства* И.Т. Посошкова (1724 г.), на момент написания статьи не включенной в Исторический корпус НКРЯ:

- (28) ст.рус. А буде кто накупя скота, погонить не запятнавъ, то аще и съ выписью погонить, взять [DP1 **всю**^{ACC} [DP2 **та скотина**]^{NOM}] на Государя (И.Т. Посошков, *Книга о скудости и богатстве*, цит. по изд. Погодина, Посошков 1842, 227)³³

Скорее отрицательный результат дает материал сочиненных групп. Из в общей сложности 2560 клауз им.п. + инфинитив и вин.п. + инфинитив рассогласование первого и второго конъюнкта в падеже было найдено в 2 примерах. В одном из них, см. (29), ИГ в им.п. стоит в начале – схема NOM₁ + ACC₂, в другом, см. (30), – в конце, схема ACC₁ + NOM₂. По причинам, указанным в разделе 2, относительно надежными могут считаться лишь предложения с порядком NOM₁ + ACC₂, так как при обратном порядке второе дополнение может трактоваться как им.п. присоединения, т.е. как форма, неуправляемая инфинитивом. Еще в двух примерах, см. (31) и (32), ИГ в им.п. и вин.п. относятся к двум разным инфинитивам, с современной точки выступающих в роли однородных членов. Интерпретация этих двух примеров затруднена тем, что в период действия коммуникативного правила (iii), предписывающего употреблять им.п. в позиции ремы, разные падежи могут объясняться разным коммуникативным статусом дополнений. Однако контексты (31) и (32) не позволяют заключить с уверенностью, что одно из дополнений находится в составе ремы, а другое – в составе темы. Приводим весь материал в таб. 8.

³² Пример *межа учинити полюбовну* (1558.12.05) неясен: *полюбовну* может быть либо определением в вин.п., либо наречием в зн. 'полюбовно'.

³³ Неясно, принадлежит ли данный пример самому И.Т. Посошкову, или же одному из переписчиков его текста в середине XVIII в. Издание М.П. Погодина опирается на Строевский и Лаптевский списки (Посошков 1842, хх). В издании Кафенгауза (Посошков 1951), опирающемся на Академический список, унифицирован им.п.: *вся та скотина* (ibid., 215). Ни то, ни другое издание не комментирует параллельные варианты.

INF – NOM ₁ + ACC ₂	INF – ACC ₁ + NOM ₂
(29) и мне, Елизарью, [DP ₁ та деревня] ^{NOM} и [DP ₂ пожню] ^{ACC} отто всех крепостей <u>очищати</u> ^{INF} (Купчая Федосея Дементьева сына у Елизария Васильева, сына иг. Никитского монастыря Вассиана, на д. Денисово Мясоедово Некрасово с пожней в Городском ст. Переславского у[езда] (1570–1571))	(30) и вамъ бы [DP ₁ тое рыбу] ^{ACC} и [DP ₂ сахару голова] ^{NOM} <u>приняти</u> ^{INF} . (Грамота митрополита новгородского Макария о посылке им к братии Иверского монастыря рыбы и сахару (1655))
INF ₁ – NOM ₁ + INF ₂ – ACC ₂	INF ₁ – ACC ₁ + INF ₂ – NOM ₂
(31) понеже онъ обещевался имъ, что ему в Руськомъ государствѣ во всемъ [DP воля ихъ] ^{NOM} творити ^{INF1} и [DP ₂ въру ихъ] ^{ACC} <u>ввести</u> ^{INF2} и всяко утвердити. (Из Хронографа 1617 года (1617))	(32) А приказываю <u>свою душу</u> ^{ACC} и <u>сию душевную грамоту</u> ^{ACC} <u>събрати</u> ^{INF1} и <u>душа</u> ^{NOM} <u>помянути</u> ^{INF2} и своей жене Марии и своим детем. (Духовная кн. Андрея Федоровича Голенина (1470–1482))

Таб. 8. Сочиненные группы и однородные члены с рассогласованием конъюнктов в падеже, по Старорусскому корпусу НКРЯ.

7.5 Дифференцированное маркирование дополнений инфинитива. Выводы Распределение им.п. и вин.п. в позиции дополнения инфинитива подпадает под определение дифференцированного маркирования аргументов, тексты позднерусского и старорусского периода дают достаточную статистику для проверки дистрибутивных свойств конструкции им.п. + инфинитива и факторов выбора им.п. и вин.п. Характерное модальное значение конструкции им.п. + инфинитив на синхронном уровне описания является следствием закрепления им.п. и вин.п. дополнения за разными типами инфинитивных клауз: им.п. значительно преобладает в независимых предложениях, в то время как вин.п. значительно преобладает в зависимых инфинитивных клаузах, вводимых каузативным, волиитивным и фазовым предикатом. Основным фактором выбора падежной формы в тех позициях, где были возможны и им.п., и вин.п., был коммуникативный статус дополнения и коммуникативная перспектива высказывания: дополнения инфинитива, находящиеся в реме высказывания, обычно получают им.п., а дополнения инфинитива, находящиеся в теме высказывания – вин.п. Такое распределение соблюдалось многими носителями русского языка в XV–XVII вв., что объясняет контексты, где разные дополнения в пределах одного и того же синтаксического комплекса получают разные падежи в зависимости от своего коммуникативного статуса. Коммуникативно и семантически обусловленное распределение им. и вин.п. затемняется в силу двух факторов – а) широкого распространения бюрократических клише, содержащих формы им.п., ср. *грамота дати, служба служити*, ИГ в им.п. в составе таких клише употреблялись и в позиции темы; б) тенденции к расширению сферы употребления конструкции им.п. + инфинитив в зависимых клаузах за счет парафраз

типа *вельти ловити рыба*, проникающих в зону, где ожидалось независимое предложение *ловити рыба*.

ИГ в им.п. и вин.п. в позиции дополнения инфинитива в русских текстах XIV–XVII вв. имеют одинаковую структуру. Нет признаков того, что им.п. в этот период приписывался детерминативам и определениям менее регулярно, чем вин.п. Этот результат ожидаем, поскольку связь между внутренним синтаксисом ИГ и выбором морфологического падежа характерна для тех языков мира с дифференцированным маркированием, где выбор падежа зависит от референциального статуса ИГ. Позднедревнерусский и старорусский к этому типу языков не относятся, референциальный статус ИГ не был фактором, ограничивавшим в этот период выбор формы им.п. дополнения. Для одушевленных существительных позиция объекта модальной конструкции, т.е. предмета, над которым говорящему предлагается произвести некоторые действия, нехарактерна, однако признак одушевленности/неодушевленности был нерестриктивен и не запрещал такие употребления, как *дочь Марья поняти, <нелзя> законная жена взяти*.

8. Две загадки. Исток и конец

Широкое распространение конструкции им.п. + инфинитив к концу древнерусского периода, обеспечивающее лингвиста необходимыми статистическими данными для синхронного анализа конструкции, было подготовлено эволюцией древнерусской грамматики. Представленное в настоящей статье синтаксическая интерпретация не противоречит морфологическому объяснению, ранее выдвинутому в (Крысько 1994). Переосмысление именных форм на *-а*, а возможно, – и форм ряда других классов имен в позиции дополнения модального инфинитива – как неодушевленной падежной формы, где субъектно-объектное противопоставление им.п. и вин.п. снято, было предпосылкой закрепления синтаксически регулярных групп в прямом падеже в позиции модального объекта. Фундаментально важным фактом является сохранение в одной и той же синтаксической позиции разных падежных форм в течение длительного периода времени. Если их распределение не хаотично, а регулируется правилами, что мы пытались показать в настоящей статье, эта ситуация подпадает под определение дифференцированного маркирования дополнения.

Период длительного стабильного воспроизводства конструкции им.п. + инфинитив в условиях противопоставления конструкции вин.п. + инфинитив делает особенно интригующими две загадки: первая связана с появлением конструкции в русском языке, вторая – с ее быстрым исчезновением в середине XVIII в. Уже к началу XII в. лингвист наблюдает ситуацию, когда все ключевые характеристики конструкции им.п. + инфинитив сформированы: ИГ в им.п. однозначно выступает в роли прямого дополнения, круг переходных глаголов, вводящих дополнение в им.п., не ограничен. Очевидного синтаксического источника, т.е. конструкции с такими параметрами, в пра-

славянской грамматике нет, что делает гипотезу о грамматическом заимствовании и ареальных контактах части русских диалектов почти неизбежной. Тем не менее, по-прежнему непонятно ни время заимствования, ни язык-источник, ни точная характеристика группы русских диалектов, где конструкция с им.п. дополнения инфинитива закрепились раньше всего.

Вторая загадка связана с быстрым исчезновением конструкции во второй половине XVIII в., которое непонятно в свете ее стабильности в XVII в. и в начале XVIII в. Выдвигались социолингвистические объяснения. Ф.П. Филин утверждал, что конструкция якобы вышла из употребления в XVIII в. под воздействием «южных говоров, для которых она была нехарактерна» (Филин 1969, 81). В.Б. Крысько видит основную причину в смене концепции литературного языка, который в XVIII в. стал ориентироваться на церковно-славянские образцы, а не на узус (Крысько 1994, 195). По нашему мнению, главной внутренней причиной была неполная грамматикализация конструкции *рыба ловити*. В рамках противопоставления вин.п., им.п. дополнения изначально имел дефектную дистрибуцию и встречался не во всех фразовых позициях. Тенденция к расширению сферы его употребления способствовала повышению частотности конструкции, но одновременно подрывала ее коммуникативную и семантическую мотивацию. Поэтому конкуренция им.п. и вин.п. в позиции дополнения инфинитива в итоге была устранена как грамматически избыточное явление.

9. Заключение

Рассмотрена древнерусская/восточнославянская конструкция с оформлением дополнения инфинитива им.п. и обоснована точка зрения о том, что наиболее ясным предметом грамматического описания является синхронное варьирование форм им.п. и вин.п. в письменных памятниках истории русского языка. Наблюдаемое в ряде предшествующих работ частичное смешение диахронических и синхронных гипотез объясняется стремлением их авторов восстановить реликтовое состояние данной конструкции и невниманием к правилам выбора им.п. и вин.п. в текстах памятников. Русский язык ни в один момент времени полностью не соответствовал модели '*Х ловит рыбу (вин.п.) : ловити Х-у рыба (им.п.)*', распределение падежей предсказывается моделью дифференцированного маркирования аргументов.

Литература

- Вопрошание Кирика – Вопрошание Кирика. // Павлов, А.С. (ред.). *Русская историческая библиотека*. Т. 6 (Памятники древнерусского канонического права). Ч. 1 (Памятники XI–XV вв.). 2-ое изд. Санкт-Петербург 1908, 22–62.
- ГВНП – Валк, С.А. (ред.). *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Москва, Ленинград 1949.
- Лавр. – *Полное собрание русских летописей*. Т. 1 (Лаврентьевская летопись). Москва 1997.
- НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*.

- ИНПЛ – Новгородская первая летопись старшего извода.
- Пещак, М.М. (ред.). *Грамоты XIV ст.* Київ 1974.
- Посошков 1842 – *Сочинения Ивана Посошкова*. Изданы на иждивении Московского Общества Истории и Древностей Российскихъ Михайломъ Погодинымъ, профессоромъ российской истории. Москва 1842.
- Посошков 1951 – Посошков, И.Т. *Книга о скудости и богатстве и другие сочинения*. П.ред. Б.Б. Кафенгауза. Москва 1951.
- ПСГ – *Псковская судная грамота (1397–1467 гг.). Подлинная и въ переводъ на современный языкъ съ примечаніями по установленію переводнаго текста*. Сост. И.И. Василевъ и И.В. Кирпичниковъ. Изд. Псковскаго археологическаго общества. Псковъ 1896.
- Смол. А. – *Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом, 1229 г.: Список А (готландская редакция)*. // Сумникова, Т.А., В.В. Лопатин, Р.И. Аванесов (ред.). *Смоленские грамоты XIII–XIV веков*. Москва, 18–25.
- Борковский, В.И. 1949. *Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)*. Львов.
- , П.С. Кузнецов. 1963. *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Гиппиус, А.А. 1996. «Русская Правда» и «Вопрошание Кириково» в Новгородской Кормчей 1282 г. (к характеристике языковой ситуации в древнем Новгороде). *Славяноведение* 1, 48–62.
- Даниленко, А.И. 2003. *Предикаты, відмінки і діатези в українській мові: історичний і типологічний аспекти*. Харьків.
- Зализняк, А.А. 1995. *Древненовгородский диалект*. 1-е изд. Москва.
- 2004. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. Москва.
- Истрина, Е.С. 1923. *Синтаксические явления синодального списка 1-й Новгородской летописи*. Петроградъ.
- Котков, С.И. 1959. Конструкция типа *земля пахать* в истории южновеликорусских говоров. *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка* 18, 45–53.
- Крысько, В.Б. 1994. *Развитие категории одушевленности в истории русского языка*. Москва.
- 2004. Комментарии и указатели // Соболевский, А.И. *Труды по истории русского языка*. Т. 1. Москва, 1–95.
- Кузьмина, И.Б. 1993. *Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте*. Москва.
- , Е.В. Немченко. 1964. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. // Аванесов, Р.И. (ред.). *Вопросы диалектологии восточнославянских языков*. Москва, 151–176.
- , — 1971. *Синтаксис причастных форм в русских говорах*. Москва.
- Ларин, Б.А. 1969. Об одной славяно-балто-финской изоглоссе. *Lietuvių kalbotyros klausimai* 6, 87–107.
- 1975. *Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.)*. Москва.
- Лютикова, Е.А., А.М. Перельцавайг. 2015. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность. *Вопросы языкознания* 2015(3), 52–69.
- , Р.В. Ронько, А.В. Циммерлинг. 2016. Дифференцированное маркирование аргументов: Семантика, морфология, синтаксис. *Вопросы языкознания* 2016(6), 113–127.
- Маркова, Н.В. 1989. Диалектные способы выражения субъекта и объекта в Онежских говорах и их история. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Москва.

- Мильков, В.В., Р.А. Симонов. 2011. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. *Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты VII*. Москва.
- Плешак, П.С., М.А. Сидорова. 2017. Аппроксимативные количественные конструкции как контекст для именных групп малой структуры в мокшанском и горномарийском языках. // Лютикова, Е.А., А.В. Циммерлинг (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров 4. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров» 2017*. Москва, 222–239.
- Попов, А.В. 1881. *Синтаксические исследования. Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов санскрита, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях*. Воронеж. [Перепечатано в: Попов, А.В. 2012. *Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках*. Москва.]
- Попова, А.В. 2017. Конструкция типа *вода пить* по данным московских памятников XVI – начала XVIII в. *Русский язык в научном освещении* 1 (33), 251–264.
- Потебня, А.А. 1958. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. Москва. 1958.
- 1968. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Члены предложения. Москва.
- Ронько, Р.В. 2016. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке. *Русский язык в научном освещении* 1 (31), 158–181.
- 2017. *Надо корова доить!* Номинативный объект в севернорусских диалектах. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* 13(3), 244–264.
- , А.В. Циммерлинг. 2015. Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и в древнерусском языке. *Вестник МГТУ им. Шолохова. Серия Филологические науки* 1, 57–66.
- Русско-ливонские акты*. 1868. Собранные К.Е. Напьерскимъ. Санктпетербургъ.
- Соболевский, А.И. 1907. *Лекции по истории русского языка*. Москва.
- Станишева, Д.С. 1966. Конструкция типа *земля пахать* в системе синтаксических средств восточнославянских языков. *Slavia* 35, 1–16.
- Степанов, Ю.С. 1984. Оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели. *Известия ОЛЯ. Серия литературы и языка* 43(2), 128–143.
- 1989. *Индоевропейское предложение*. Москва.
- Трубинский, В.И. 1984. *Очерки русского диалектного синтаксиса*. Ленинград.
- Успенский, Б.А. (ред.) 2006. *Типографский устав: Устав с кондакарём конца XI – начала XII века*. Т. 2. Москва.
- Филин, Ф.П. 1969. Из истории синтаксиса восточнославянских языков. О форме именительного падежа имен жен. рода на -а (-я) в значении аккузатива. *Вопросы языкознания* 1969(3), 70–81.
- Циммерлинг, А.В. 2008. Локальные и глобальные правила в синтаксисе. // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2008)* 7 (14), 551–562.
- 2018. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке. *Вопросы языкознания* 2018(5), 7–33.
- Шахматов, А.А. 1941. *Синтаксис русского языка*. Ленинград.

- Aissen, J. 2003. Differential object marking: Iconicity vs. economy. *Natural Language and Linguistic Theory* 21, 435–483.
- Arkadiev, P. 2016. Case. Article for WSK Linguistic Typology (De Gruyter). Ms. <https://www.academia.edu/27206077/Case>.
- Dahl, Ö., M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). 2001. *Circum-Baltic languages*. Vol. II: *Typology and Grammar*. Amsterdam, Philadelphia.
- Dunn, J.A. 1982. The nominative and infinitive construction in Slavonic languages. *The Slavonic and East European Review* 60, 500–527.
- Goldberg, A. 2016. Compositionality. In: Riemer, N. (ed.). *The Routledge handbook of semantics*. London, New York, 419–433.
- Lyutikova, E., A. Pereltsvaig. 2015. The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics* 60, 289–325.
- Miklosich, F. 1883. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. Bd. IV. Vindobonae.
- Porák, J. 1967. *Vývoj infinitivních vět v češtině*. Praha.
- Seržant, I. 2015. Nominative case in Baltic in the typological perspective. In: Holvoet, A., N. Nau (ed.). *Argument Structure in Baltic*. Amsterdam, Philadelphia, 137–198. (Valency, Argument Realization and Grammatical Relations in Baltic. 3.)
- Timberlake, A. 1974. *The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic*. München.
- Veenker, W. 1967. *Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache*. Bloomington. (Uralic and Altaic Series. 82.)

Москва (ГосИРЯ им. А.С. Пушкина,
МПГУ, Институт языкознания РАН)
(fagraey64@hotmail.com)

Антон В. Циммерлинг